Впервые

ПИСАТЕЛЬ И ВОЖДЬ

ПЕРЕПИСКА М.А.ШОЛОХОВА С И.В.СТАЛИНЫМ

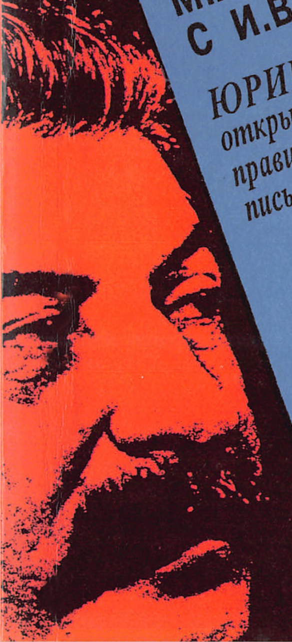

ЮРИЙ МУРИН -

открытия в личном архиве правителя Кремля: письма и хроника встреч

Иосиф Сталин:"Это не значит, что я во всем согласен с Вами. Ваши письма не беллетристика, а сплошная политика..."

Михаил Шолохов:"т.Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен..."

ПИСАТЕЛЬ И ВОЖДЬ

Впервые

ПИСАТЕЛЬ И ВОЖДЬ

ПЕРЕПИСКА М.А.ШОЛОХОВА С И.В.СТАЛИНЫМ

1931 - 1950 годы

Сборник документов из личного архива И.В.Сталина

Составитель Юрий Мурин

Москва
РАРИТЕТ
1997

ББК 84Р6
П 34

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
и благодаря бескорыстной помощи
Российского общественного движения
«Союз реалистов» (Председатель Ю. Петров)

Оформление художника

Ю. БОЯРСКОГО

П $\frac{4702010204}{952(02)-97}$ Без объявл.

ISBN 5-85735-062-X

ПИСАТЕЛЬ и ВЛАСТЬ

Открытия архивиста Ю. Мурина

Выход этой небольшой книжечки — переписки И. В. Сталина и М. А. Шолохова — событие.

Наконец-то страна получает основанный на архивных источниках ответ на вопрос — были ли знакомы вседержавный вождь и писатель из Вешенской, что излучал всеохватное нравственное влияние.

Эти материалы тем более нужны, если помнить, что на волне огульного изничтожения советского прошлого стали смывать со скрижалей имя М. А. Шолохова. Они необходимы для объективного анализа его места в истории.

ГОСТАЙНА.

В 25 лет с небольшим осмелился молодой писатель (правда, уже автор первых частей смелой эпопеи!) предупредить вождя (уже принявшего державно-культовое празднование своего 50-летия), как на Дону идет коллективизация — «Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается...»

В 45 лет от роду Шолохов — за три года до кончины Сталина — завершает переписку: заступается за «Тихий Дон», который осужден вождем.

Напомню: до недавних времен оставались неизвестными взаимоотношения вождя и писателя. При жизни Сталина письменно зафиксированный факт его отношения к автору «Тихого Дона» был обнародован лишь единожды — в 1949 году, в 12-м томе Сочинений. (Об этом быть рассказу в главке «Был ли любимчиком?».)

С Оттепели, в 60-е годы, стало кое-что обнародоваться — это Н. С. Хрущев, тогдашний глава партии, сообщил в речи 1963 года, что была переписка. Увы, услышанное не создало целостного восприятия взаимоотношений писателя и вождя. Было рассказано лишь об одном эпизоде — Шолохов писал в Кремль о «произволе, который творился в то время на Дону...» (замечу: ни журналисты, ни историки не поспешили «раскручивать» услышанное — в печати не появилось никакого продолжения). Затем,

в двух, кажется, монографиях (малотиражных) можно было прочитать немногословное переложение рассказа Шолохова, как случились две встречи со Сталиным при одинаковом поводе, — просить о помощи, ибо по политическим соображениям запрещено было продолжать печатать «Тихий Дон» и вообще отказано в публикации «Поднятой целины».

Архивы таким образом оставались закрытыми. Только в 1990 году удалось с невероятными ухищрениями напечатать в «Правде» полный вариант одного письма Сталина Шолохову (и переписывал тайком, разумеется, не в архивную тетрадь, и редакция рискнула обнародовать текст без полагающейся визы). О том, как на это письмо откликнулся Шолохов, пойдет рассказ в главке «Шолохов и Сталин».

Журнал «Дон» поразил в перестроечные годы — напечатал то послание из Вешек, на которое и отвечал упомянутым выше письмом Сталин. Его включил в свои воспоминания П. Луговой, многонастрадавшийся друг писателя с 30-х годов, секретарь райкома.

1992—1993 годы — триумф архивиста Ю. Мурина: журналы «Родина», «Источник» и «Вопросы истории» обнародовали один за другим по частям переписку.

Оставалось только предполагать, по каким причинам и обстоятельствам и Сталин и Шолохов скрывали свои зафиксированные архивами общения; версий может быть много.

Архивист выявил створы переписки: январь 1931 — январь 1950. Он же вызволил из небытия несколько других важных документов с именами персонажей своего поиска (казалось бы, мелочь — кто присутствовал на встречах Сталина и Шолохова, но это позволяет опровергнуть мнение некоторых шолоховедов, что якобы состоялись заседания Политбюро как таковые).

Замечу: есть возможность дополнить информацию о том, что читал Сталин из-под эпистолярного пера Шолохова. Самое первое письмо о бедах на Дону Сталин прочитал еще в 1929 году. Не ему оно адресовалось. То заслуга доброй знакомой Шолохова Е. Г. Левицкой — ей писал, и она, познав страшные откровения, посчитала своим долгом познакомить с ним Сталина. Ее имя

известно по посвящению к рассказу «Судьба человека». (Некоторые строчки из письма появятся в главке «Высоты обобщений».)

Еще важная замета: в главке «Был ли любимцем?» дополнительное свидетельство о том, что прочитал Шолохов о своем «Тихом Доне» из-под пера Сталина, но в письме, которое было адресовано не писателю, а одному из соратников вождя. Там шли приговорные строки...

И еще одно наиважное уточнение. Ю. Мурин включил в свою книгу только письма двух (исключения для пяти документов, но и они напрямую связаны с именем Сталина). Однако надо знать, что имя М. Шолохова в архиве ЦК значится, пожалуй, в сотне самых разных документов. Это и доносы на писателя (в одном из писем Сталину, как узнаем дальше, Шолохов сообщал: «В крайком, в ЦК посыпались клеветнические заявления на Лугового, меня и других коммунистов...»). Это и письма Шолохова Маленкову, затем Хрущеву и Брежневу — в каждом из них душа и характер вешенца: смелость! Это не только постановления о наградах, но и порицания-наказания за политическое, выражаясь нынешним языком, инакомыслие и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. И так далее. Все это я попытался в надлежащих подробностях изложить в своей книге 1995 года «Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд».

Итак, переписка писателя и вождя-правителя. Теперь появляется возможность документализировать их взаимоотношения и задуматься, какими они были на самом деле — без мифов и легенд.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МИФА. Переписка, обилие почестей, сохраненное в памяти участие в работе партсъездов, казалось бы, неопровержимо обуславливают поверить безоговорочным утверждениям, что Шолохов был чтим Сталиным и партвластью, ибо, в свою очередь, чтил Сталина и партвласть. Вот какова страшная цена того, что разоблачительные послания с берегов Дона не были никому известны.

В этом контексте стушевывается любопытный факт, что агитпроп ничуть не употреблял имя Сталина по связи с Шолоховым всуе (насколько знаю, «послужный список» писателя лишь

один раз был удостоен упоминанием вождя — в 1941 году; в предисловии к первому изданию «Тихого Дона» после присуждения Сталинской премии значилось: «Шолохов — истинный любимец Сталина». Зато определенно знаю: стоило Сталину однажды оповестить об «ошибках и недостатках» в романе, так рассчитанный на миллионы школьный учебник «запамятовал» упомянуть факт присуждения этой премии).

Агитпроп сделал свое дело, но до конца не ушел. Нынешние политконъюнктурщики не любят рассказывать, ради чего Шолохов общался со Сталиным, но охотно тиражируют давней поры оценки, лишь неуклюже перелицовывая их с «позитива» на «негатив». 1993 год — одна миллионнотиражная газета вослед многим другим оповестила: «Сталинист Шолохов, в массовом сознании предстающий (и не без оснований) столпом рухнувшей системы, классиком соцреализма...»

Тема «Шолохов и Сталин» сугубо биографического свойства в силу значимости этих персон в истории неминуемо преобразуется в особую для истории категорию: «Писатель и Власть». Или, может быть, даже так — «Писатель и Совесть», если не забывать, как необычайно неоднозначно складывались отношения партии и писателей.

ШОЛОХОВ И СТАЛИН. Выскажу как будто бы парадокс: нельзя познавать отношения Сталина и Шолохова по этой книжке; в равной степени, как и по отдельным, выхваченным из контекста их биографий, высказываниям писателя о тех или иных чертах характера или поступках вождя. Поэтому отринем первое побуждение — ограничить изучение темы только на основе переписки, тем более расставлять акценты, используя заглавные в ней обращения «уважаемый» или «дорогой». Выяснение отношений может стать достоверным, если эпистолярий воссоединить и с художественным, и с газетным наследием.

Что, однако, анализировать предпочтительнее: романы — в них сгусток философского осмысления жизни... газетное перо — оно электризуется токами общественного мнения, злобой дня и требованиями-пожеланиями редакций, что совокупно порождает неизбежное чувство самоцензуры? Читаю признания (оправда-

ния?) Б. Пастернака, как смог появиться его поэтический цикл во славу Сталина: «Искренняя попытка жить думами времени и ему в тон» (Б. Пастернак. Собр. соч., т. 2. М., 1989, с. 620).

Какой бы ни была степень доверия к художественному или к журналистскому творчеству, ради объективности обратим свое внимание к обоим.

Романы... «Тихий Дон» — для многих, как проверял, полная неожиданность, что он без имени Сталина. Поразительнейший факт! Напомню, в каком историческом и политическом контексте вешенец отказался увековечивать вождя в своей эпопее. Вешенское восстание и оборона Царицына, столь стратегически важная для судьбы революции, соседствуют и по времени, и окровавленными степями. Сталин по заданию Ленина один из организаторов обороны — и не случайно награжден орденом. К моменту работы писателя над томом, где стал описывать Вешенское восстание, и город уже наречен в честь вождя, и отпраздновано в невиданном размахе 50-летие Сталина, и по юбилейно-подхалимскому почину «красного маршала» Ворошилова (статья и брошюра) он отныне непререкаемый «гениальный организатор обороны» и вообще «гений военного искусства». «Поднятая целина» — и здесь невероятное: Сталин не персонифицируется в контексте агитпроповского понятия «сталинская коллективизация» ни портретом, ни сюжетными сценами. Его имя фигурирует только со строго «служебными целями»: как автор статьи «Головокружение от успехов» или в главе позиционно-противопоставнического спора, как вести коллективизацию — по Ленину или по Сталину. «Они сражались за Родину» — генералиссимус без никаких восхвалений; больше того, он в эпицентре страстных споров об ответственности за репрессии.

Газетные строки... Ю. Мурин печатает одно небольшое, но, оказывается, многоважное письмо, что, однако, выявляется, если его должным образом откомментировать. Оно написано за несколько дней до 60-летия вождя. Так и подталкивает воскликнуть: подхалимское, ибо в нем и в самом деле и о юбилее, и о статье к этому юбилею. Однако почему статья закомуфлирована словом «статейка», а главное — отчего опасение, что «Прав-

да» ее не напечатает? Нет, не втискивается Шолохов в прокрустово ложе предвзятых оценок ни былых агитпропщиков, ни нынешних политконьюнктурщиков. Уже в первой строке статьи зачин к острой схватке со Сталиным: «В 1933 году... под видом борьбы с саботажем... весь хлеб, в том числе выданный авансом, был изъят... начался голод». Это ответ письму Сталина с датой 6 мая 1933 года. Сталин в нем для начала сформулировал приговор вешенцу за политическую неразборчивость, за политический объективизм — страшное обвинение: «Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-совет. работы... Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону... Ваши письма не беллетристика, а типичная политика...» Далее приступил к жестокому уроку политграмоты — он мог стать обоснованием к пресловуто-жуткой статье «58» Уголовного кодекса (для тех, кто проходил в качестве» контрреволюционера»): «Хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку» (саботаж)... по сути, вели «тихую войну» с Советской властью. Войну на измор...» Вот же какова юбилейная «статейка»! Но Шолохов отважен не только защитой «саботажников». Он рискнул прервать замалчивание самого по себе факта организованного из Кремля преступления — насильственный вывоз зерна, что привело к голоду (умерло несколько миллионов человек). «Правда» предостерегала таких правдолюбцев, как Шолохов: «Заявление о голодной смерти миллионов советских людей является вульгарной клеветой, грязным наветом». Но и это не вся крамола в статье. Писатель принялся критиковать-урезонивать тех, кто истово раскручивал маховик вседержавной культовой машины: «Некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами».

Соответственным комментарием готов оснастить и еще две статьи, посвященные Сталину. (Выделю одну их них — отклик на смерть Сталина «Прощай, отец!». Недавно читал, как ее употребили

обличительным лыком в обвинительную строку против Шолохова. Но почему-то это обвинение не только совсем не вживлено в атмосферу тех траурных дней, но даже не сопоставлено со статьями, к примеру, И. Эренбурга или Л. Арагона. Отдаю должное мужеству академика А. Сахарова. Он включил в свои воспоминания письма того же траурного марта 1953: «Я под впечатлением смерти великого человека. Думаю о его человечности».)

ВЫСОТЫ ОБОБЩЕНИЙ. По первому восприятию письма с Дона в Кремль могут показаться сигналами провинциала: описаны конкретные беды и обличается местная власть, повинная в этих бедах. Впрочем, как убежден, даже такого восприятия вполне достаточно, чтобы воздать Шолохову должное, как это воздается Толстому за участие в спасении голодающих в Тульской губернии, Чехову за путешествие на каторжный Сахалин или гуманисту Короленко, который не случайно упомянут в письме Сталину от 4 апреля 1933 года в связи с очерком «В успокоенной деревне», где речь о трех доведенных до отчаяния крестьянах.

Открытия архивиста нуждаются в дополнениях биографа — уж такая общеизвестная взаимозависимость. Увы, размеры предисловия не позволяют даже и мечтать о должной полноте вживления архивных находок в биографию. Приходится избирать лишь некоторые темы и перелагать их в наикраткопунктирном виде — подробности же в моей книге.

Неминуема первая из них — судьба коллективизируемого крестьянства. Шолохов предстает в масштабе всенародного защитника как убежденный противопоставник Сталина. Эта противопоставническая позиция выражена задолго до голодомора. 1929 год: Шолохов в письме (июнь) — «Середняк уже раздавлен. Беднота голодает...»; Сталин в докладе «Год великого перелома» (ноябрь) — «Небывалый успех в деле колхозного строительства...» Еще свидетельство — «Поднятая целина» (глава II, сцена в райкоме). Эмиссар ЦК Давыдов выслушивает наставления местного партийца: «Действуй там осторожно. Середняка ни-ни!..» Давыдов противничает. Ему в упрек: «А что скажет тогда середняк? Он скажет: «Вот она, какая Советская власть! Туда-сюда мужиком крутит». Ленин нас учил серьезно

учитывать настроение крестьянства, а ты говоришь». Давыдов переходит в наступление: «Сталин, как видно, ошибся, по-твоему, а?» Ему — точнее читателям романа! — в ответ отважное перо Шолохова вывело: «При чем тут Сталин?» И еще: «За район отвечает бюро райкома, я персонально. Потрудись там, куда мы тебя посылаем, проводить нашу линию...» Теперь уже обнародовано, как Шолохов в критических оценках перегибов аграрной политики солидаризовался с расстрелянным «врагом народа», видным политическим деятелем еще ленинской школы М. И. Фрумкиным. И т. д. Откуда все эти убеждения, что сцементировались в смелые позиции? Уверен, исток от «Тихого Дона» с его неприятием неправедной политики расказачивания; напомню, что ее поддерживал Сталин.

С такими ощущениями я и воспринимаю всю переписку в пору голодомора и коллективизации. Казалось бы, ничего об ответственности Центра, но вдруг — а вдруг ли?! — в письмах фамилии председателя СНК Молотова и председателя ВЦИК Калинина. Или рассказывает Сталину, автору Закона, что горько назван в народе «Законом о трех колосках», как колхозники пренебрегали им, суровейше карающего — вплоть до смертной казни! — за кражу даже небольшой толики зерна. Здесь, к примеру, в письме 1932 года нет видимых обобщений — зато в «Они сражались за родину» обличал этот Закон за неоправданную жестокость.

Продолжу тему противопоставничества писателя и вождя: оценки репрессий. XVIII партсъезд (1939 г.). Сталин в докладе говорит об интеллигенции, оправдывая ее изничтожение: «Интеллигенция в целом кормилась у имущих классов и обслуживала их. Понятно поэтому то недоверие, переходящее нередко в ненависть, которые питали к ней революционные элементы нашей страны, и прежде всего рабочие». Кормилась... недоверие... ненависть... Шолохов в речи: «Есть еще одна категория писателей, которых «награждали» ссылками в Сибирь и изгнанием, их привязывали к позорным столбам, их отдавали в солдаты, на них давили всей тупой мощью государства, наконец, попросту их убивали руками хлыщей-офицеров. А у нас этих писателей-классиков чтут и любят всем сердцем...» Чтут... любят...

Еще тема — партия и литература. В материалах, которые вызволил из небытия Ю. Мурин, не раз о том, как трудно работалось писателю, как издевались над ним, стремясь обратить в официальную веру. Шолохов велик не только тем, что сопротивлялся попыткам карежить романы. Он находил мужество, чтобы обличать сам по себе партлитпроизвол, — отмечу, что начинал это еще при жизни Сталина. Статья «За честную работу писателя и критика» (1934 г.) — сколько же в ней крамолы! В канун I съезда писателей объявил о неприятии зарождающегося «литвождизма» и осудил порядки, когда «ничтоже сумняшися» объявляют романы «лит. вождей» «монументальными памятниками нашей великой революционной эпохи». Он предостерегал апологетов соцреализма: «Плох был бы тот писатель, который приукрашивал бы действительность в прямой ущерб правде...» Свое сопротивление многим официальным установкам не прекратил с приходом к власти новых правителей — Хрущева и Брежнева. Напомню о его речах 1954 года на писательском и на партийном съездах. Потребовал покончить со сталинщиной в своем профессиональном цехе — навязывание «актуальных» тем, «властолюбие», «администрирование»...

Еретиком оставался до конца жизни. Упомяну, как он, страдающий от смертных болезней и травимый очередной волной обвинений в плагиате при пассивности властей державных и писательских, надиктовывал младшему сыну едва ли не политическое завещание. Сформулировал свое видение причин, что привели к культу личности. Высказывал убеждения, что в сущности гражданская война никогда и не прекращалась. Протестовал против попыток прервать связь поколений. Защищал Мелехова от обвинений, что он «отщепенец» и «враг», отстаивая тем самым право человека искать Правду...

БЫЛ ЛИ ЛЮБИМЦЕМ? Сам факт того, что Сталин не пресек переписку, иные свидетельства общений, нередко с проявлениями заботы и внимания (помог Дону хлебом в голодомор, разрешил печатать два романа, спас от ареста), могут породить впечатление о доброжелательном отношении Сталина к Шолохо-

ву. Убежден в другом: то был во всем политический расчет! Далее некоторые примеры.

...Голодомор. Ю. Мурин помогает уяснить, что сообщение о выделении хлеба идет телеграфно, в открытую — расчет на всенародную благодарность, но резкая политическая оценка «саботажничества» и заступничества за «саботажников» — в письме, в расчете на потаенное чтение, к тому же репрессии, как известно, прекращены не были.

И вновь выделяю: не случайно угроза от Сталина (в письме 6 мая 1933 г.) за то, что писатель защищал голодающее крестьянство. Сталин о бедствии, им же спровоцированном (хлеб понадобился для финансирования индустриализации), никогда и нигде, ни в речах, ни в статьях. Шолохов же осмелился не только в письмах — за год до беды в «Поднятой целине» обнародовал отважно проницательное предвидение: быть «жестокому голоду». И определил виновника: «ЦК большевиков собирает... хлеб якобы для колхозных посевов. На самом деле хлеб пойдет для продажи за границу...» Каково! Нет, не случайно — напоминаю — «Правда» предупреждала таких правдолюбцев, как Шолохов: мол, слово правды о голодоморе расценивается клеветой и наветом. Шолохов не остался в долгу — тоже предупредил Сталина: вчитайтесь в концовку письма от 4 апреля — здесь явственная угроза предать огласке черные злодеяния.

...Судьбы романов. «Тихий Дон» — Сталин осознавал величие романа, который не втискивался в жесткие каноны ни «Краткого курса истории ВКП(б)», ни соцреализма. Отсюда поистине коварная оценка, в которой мнение державного «литературоведа» Сталина ничуть не состыковалось с не обозначенным в письме (1929 г.), но последовавшим после публикации письма (1949 г.) приговором гособвинителя Сталина: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» Что же последовало за этим письмом? Указание приостановить го-

товящееся переиздание и требования переделок — ввести в роман образ Сталина! Вождь не ответил на просьбу-требование писателя прояснить эту страшную ситуацию. Добавлю: в 1932 году именно Сталин сформулировал на долгие десятилетия вперед директиву, что Мелехова, великого правдоискателя, нельзя считать «типичным представителем крестьянства». Эта формула досуществовала до недавних времен, в т.ч. в оценках даже такого весьма просвещенного деятеля, как член Политбюро дипломат А. Громыко. Отмечу, что Сталин никогда не пресекал критического отношения и ЦК, и прессы к смелому роману. В результате это, несомненно, обусловило то, что он от многочисленных политкупюр был избавлен лишь в 1995 году. «Поднятая целина». С одной стороны, Сталин делится с Кагановичем в письме: «Интересная штука! Видно, что Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование...» С другой стороны: и никогда не обнародовал этого отзыва, и не препятствовал жестокой политкритике романа по его выходе (например, в журнале «Молодая гвардия»: «Объективно это затушевывание контрреволюционной инициативы кулачества»), и не помог автору отстоять подлинное название «С потом и кровью»... Нет, далеко не случайно, что при жизни Сталина, в 1950 году, ЦК, по инициативе второго деятеля партии Г. Маленкова, готовится обсуждать документ, в котором Шолохов критикуется по всем сразу произведениям «за слабые образы коммунистов».

...Репрессии. Сталин выполнил просьбу вешенца об освобождении 3-х его друзей, руководителей района, но проигнорировал цифру жертв беззакония числом «185», что вывело перо Шолохова. И оставил без никакого внимания требования вообще прекратить бесчеловечные издевательства над брошенными в тюрьмы.

К концу своей жизни Сталин перестал оделять Шолохова публичными знаками внимания. Отсюда, как догадываюсь, и обнародование письма с приговором «Тихому Дону» и появление учебника с критикой и с забвением факта Сталинской премии. Хуже того, позволил себе проявить унизительное пренебрежение — прочитаем свидетельство прибывшего в Москву посланца

Тито М. Джиласса: «Говоря о современной советской литературе, я — как более или менее все иностранцы — указал на Шолохова. Сталин сказал: «Сейчас есть и лучшие», — назвал две неизвестные мне фамилии, одну из них женскую». Характерно, что после 1950 года Шолохов перестал обращаться к Сталину.

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ. Не все на поверхности в переписке. Перья в политически острых темах чаще всего скрывают истинные намерения или подлинную картину. Несколько примеров.

...Письмо Сталина от 6 мая 1933 года. Вождь посулил «должные наказания» «виновникам безобразий». Но обратимся к фактам, что изложены в комментариях 26 и 27: и вина Центра не признана, и партнаказания не соответствуют страшной мере содеянного в издевательствах над народом.

...Письмо В. Ставского Сталину (1937 г.) Упомянуто нежелание Шолохова «писать» Мелехова большевиком — так будем знать: это зафиксирован отказ выполнить совет Сталина; не хотел превращать любимого героя-правдоискателя в агитперсонаж. Написано о «политических ошибках» и «метаниях» — это отзвуки отважных порывов несогласий с указаниями сверху. Вот о том, что Шолохов не ведет «партработы», — на самом же деле он изо всех сил помогал райкому избавить район от голодомора и перегибов коллективизации. Или: секретарь крайкома не намерен-де арестовывать писателя — в действительности то было просто вожделением, о чем рассказывал даже Сталин.

...Письмо октября 1937 года, в котором фраза о нелегком пережитом в прошедшие 10 месяцев. О чем речь? Подготовка ареста: наглый сбор компромата и вербовка доносчиков и провокаторов, анонимные письма в ЦК с доносами, что Шолохов защищает «врагов народа»... Мешают писать романы... Приказ на арест — вынуждены бежать... А. Фадеев критикует в «Лит. газете» за «недостаток большой, всеобъемлющей, всечеловеческой мысли» (впоследствии такой упрек огранили в политформулировку «безыдейщина)». И так далее. Повторю: в моей книге обо всех этих жутких гранях биографий рассказано в нескольких главах.

...Письмо Шолохова (февраль 1938 г.) полно веры, что разоблачения прекратят репрессии. Увы, напрасны были надежды, — это безоговорочно зафиксированно иезуитски коварным посланием проверяльщиков, они отрицают даже факт жестокой травли Шолохова.

...Письмо Берии со сподручным Сталину — в нем эхо непрекращающейся борьбы вешенца против репрессий.

..Письмо — последнее — вождю-правителю. Тщетно пытается узнать истинные причины приговора роману на запрет или на переделки — это-то после сотни переизданий по всему миру. Напомню: приговор выписан хитрованно: и писатель назван «знаменитым», и зафиксирована вопросительная интонация при словах «изъятия из продажи». Агитпроп тем не менее пренебрег «дипломатией» — он привел приговор в исполнение бестрепетно: затребовал переделок. С 1929 года тянулась казнь, но так, чтобы никто не знал: трижды отказы печатать, сотни политкупюр, неустанные указания переписывать историю расказачивания и восстания, а также судьбы главных персонажей в угоду власти.

МЕЧТАНИЯ О НОВОМ СБОРНИКЕ. Верен давней мысли, что главная тема для биографа Шолохова — это «Писатель и Власть» или — повторюсь — «Писатель и Совесть». Мечтаю в связи с этим, чтобы появился сборник материалов по этой теме. Обращения — не только к Сталину, не только в Кремль. Требования и просьбы, адресованные к власти, начиная с райкома. Речи с державных трибун. Оценки политики партии и правительства... И, естественно, материалы, которые фиксируют отношение власти к писателю.

Такая книга многое прояснит. В том числе острейшую тему отношения Шолохова к инакомыслящим. В этом разделе неминуемо быть и его резкому требованию осудить А. Синявского и Ю. Даниэля, и материалам, которые расскажут, как он защищал, помогал, содействовал многим выдающимся деятелям культуры и науки. Здесь будут фамилии преследуемых и опальных А. Ахматовой и ее сына Л. Гумилева, А. Платонова и его сына, одного из конструкторов «Катюши» И. Клейменова, артистки Э. Цесарской, генерала Лукина, прошедшего через фашистский плен и

допросы НКВД, Б. Пастернака, А. Солженицына, А. Твардовского и еще, еще.

Насыщенным стал бы в этой книге раздел взаимоотношений власти и вешенца после смерти Сталина. По-прежнему почести, но по-прежнему же тайные от народа издевательства. И партнаказания (например, когда Шолохов потребовал опубликовать «Доктора Живаго» Б. Пастернака), и жестокая проработка на совещаниях в ЦК (например, обвинения в том, что проявляет солидарность с буржуазной «реакционной печатью» в критическом отношении к «достижениям» советской литературы), и унизительное отклонение рекомендации коллегиально обсудить положение дел в культуре («т. Шолохов оказался в этом плане под каким-то, отнюдь не позитивным влиянием...»), и цензура с политкупюрами от Брежнева в романе «Они сражались...». И т. д. В свою очередь, писатель отказывается освятить своим словом один из сборников во славу Н. С. Хрущева или, к примеру, в сущности рвет отношения с Л. И. Брежневым, отослав ему резко непочтительное письмо.

* * *

Итак, ученые-гуманитарии, учительство и преподаватели, студенты соответственных институтов и факультетов, а главное вся армия книгочеев получают возможность прикоснуться к раскрытой Ю. Муриным тайне: к письмам, которые зафиксировали общение И. В. Сталина и М. А. Шолохова.

Эта книга еще один дополнительный источник для доказательств, что жизнь и творчество великого писателя продолжают нуждаться в самом серьезном изучении. Портрет М. А. Шолохова надо освобождать и от сусальной позолоты былых агитпроповцев, и от густого очернения, что идет от нынешних политконьюнктурщиков. Для этого нужны реставраторы с научно обоснованным замыслом, в белых, как это принято, халатах, при остром лезвии и тонкой кисти, чтобы ненароком не затронуть или не кляксиуть лишнего. Увы, пока еще чаще всего в почете бульдозеристы с подрядом на соскребывание третьего по счету российского нобелевца в отвалы истории.

Валентин Осипов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В личном фонде И. В. Сталина[1] имеется дело, содержащее его переписку с М. А. Шолоховым за период с 16 января 1931 г. по 3 января 1950 года. В деле собрано 14 писем и небольших записок Шолохова[2], две телеграммы, письмо Сталина и еще пять документов: записка Сталина А. Н. Поскребышеву относительно приема Шолохова Сталиным; три записки других лиц (В. П. Ставский, М. Ф. Шкирятов, Л. П. Берия), адресованных Сталину, но имеющих отношение к Шолохову; копия заявления В. А. Благородова Вешенскому РК ВКП(б) от 27 декабря 1937 г., приложенная к письму Шолохова Сталину от 16 февраля 1938 года. Копия письма Сталина Шолохову от 6 мая 1933 г. (док. № 7) хранится в фонде Политбюро ЦК КПСС (АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 549) вместе с его постановлениями «О Вешенском районе», принятыми после проверки фактов, изложенных в письмах Шолохова.

В сборник включено также письмо Шолохова Сталину от 27 июля 1947 г. (док. № 22), впервые опубликованное В. Осиповым в книге «Тайная жизнь Михаила Шолохова...».

Об одном из малоизвестных высказываний Сталина о Шолохове свидетельствуют строки из письма вождя от 7 июня 1932 г., адресованного Л. Кагановичу. Сталин, находившийся на отдыхе в Сочи, писал: «В Новом мире» печатается новый роман Шолохова «Поднятая целина». Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он — писатель, глубоко добросовестный: пишет о вещах хорошо известных ему»[3].

Впервые о переписке Шолохова со Сталиным упомянул Н. С. Хрущев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры и искусства 8 марта 1963 г.: «Наш уважаемый Михаил Александрович Шолохов весной 1933 г. поднял свой голос протеста против того произвола, который творился в то время на Дону. Недавно в архивах были обнаружены два письма Михаила Александровича Сталину и ответы Сталина на эти письма»[4].

Эта часть переписки Шолохова со Сталиным (док. № 1—7) относится к началу 30-х годов, когда в результате коллективизации в ряде регионов страны произошло падение сельскохозяйственного производства, поставившее под угрозу снабжение продовольствием городов и армии. По указанию Сталина 14 декабря 1932 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», определившее жесткие сроки (к 10—15 января 1933 г.) завершения хлебозаготовок на Северном Кавказе под личную ответственность руководителей крайкомов и крайисполкомов. Одновременно местным партийным организациям поручалось вести решительную борьбу с теми, кто «саботировал» хлебозаготовки, «не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них»[5].

Шолохов сообщает Сталину о чудовищных злоупотреблениях хлебозаготовителей, истязаниях людей, издевательствах над ними, изъятии запасов, в том числе семенного зерна. В письме от 4 апреля 1933 г. он описывает появление в Вешенской уполномоченного крайкома по хлебозаготовкам Г. Ф. Овчинникова, который дал «следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»[6] Отсюда и начинается «ломание дров», заключает Шолохов. Не случайно, что много позже, в статье для «Правды», он назвал руководителей крайкома «врагами народа» за то, что «под видом борьбы с саботажем.... лишили колхозников хлеба»[7].

На письма Шолохова Сталин отвечает двумя телеграммами от 16 и 22 апреля 1933 г. (док. № 4,6) и письмом от 6 мая 1933 г.

(док. № 7). Факты, приведенные в письмах Шолохова, вызвали двойную реакцию Сталина. С одной стороны, вождь распоряжается оказать помощь голодающим, чтобы расположить к себе писателя, а с другой — предостерегает его от покровительства хлеборобов, которые «вели «тихую» войну с советской властью».

Другая часть писем Шолохова Сталину (док. № 8—15) касается периода репрессий 1937—1938 гг., когда волна арестов достигла Вешенской.

23 ноября 1936 г,. органами НКВД был арестован член бюро Вешенского райкома ВКП(б) Красюков П. Л., а 6 июня 1937 г. секретарь того же райкома Луговой П. К. и председатель Вешенского райисполкома Логачев. От арестованных следственные органы, используя незаконные методы ведения следствия, стали добиваться компрометирующих показаний на Шолохова.

19 июня 1937 г. Шолохов отправляется в Москву и не может добиться приема у Сталина. По возвращении в Вешенскую Шолохов решается на своеобразный политический протест, отказавшись от поездки в июле в составе делегации на 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании.

В сентябре у Шолохова побывал генеральный секретарь Союза писателей В. Ставский. В секретном письме Сталину от 16 сентября (док. № 9) Ставский сообщил о «тревожном» поведении Шолохова в связи с арестами его друзей. На записке Сталин пишет поручение Ставскому о вызове Шолохова в Москву для разговора.

25 сентября в течение полутора часов Шолохов беседует со Сталиным, а в ноябре того же года Луговой, Красюков и Логачев были восстановлены в партии и на прежней работе.

Освобожденные земляки поведали Шолохову о преступных методах следствия по выбиванию из арестованных нужных сведений.

16 февраля 1938 г. Шолохов обращается к Сталину с большим письмом (док. № 12), в котором излагает эти факты и подчеркивает: «Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный безконтрольно отдается в руки следователей, глу-

боко порочен, этот метод приводил и неизбежно будет приводить к ошибкам».

Проверкой фактов, изложенных в письме Шолохова, как и в 1933 г., занимался Шкирятов, но на этот раз вместе с представителем НКВД Цесарским. 23 мая 1938 г. Шкирятов и Цесарский доложили Сталину и Ежову о результатах проверки письма Шолохова (док. № 14). Скрывая масштабы репрессий и стараясь выгородить виновных, комиссия не подтвердила очевидные факты, приведенные Шолоховым, признав, однако, что «имели место отдельные ошибки, которые мы исправили», посчитав «нецелесообразным» привлекать к ответственности работников НКВД.

Получив поддержку сверху, органы НКВД не прекратили собирать сведения о «контрреволюционной деятельности писателя Шолохова». Вновь Шолохов отправляется в Москву и через Поскребышева передает Сталину коротенькую записку: «Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу» (док. № 15).

23 и 31 октября происходят встречи и беседы со Сталиным, записи которых в архиве отсутствуют. О встрече Шолохова со Сталиным 31 октября 1938 г. свидетельствуют воспоминания участников этого события П. К. Лугового и И. С. Погорелова, опубликованные в 1990 г. в спецвыпуске «Литературной России»[8].

О результатах ходатайства Шолохова за арестованных земляков говорится в записке Берии и Меркулова Сталину от 20 декабря 1940 г. (док. № 19).

Отдельные документы сборника публиковались в журналах «Вопросы истории», «Родина», «Источник», «Дон», газетах «Правда», «Московская правда»[9], а также в книге В. Осипова «Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд» (М. 1995).

В комплексе документы публикуются впервые. Текст, расшифрованный публикатором, заключен в квадратные скобки. Нумерация документов и их название даны публикатором, стиль, орфография и пунктуация оставлены без изменений. Сборник снабжен комментариями и хронологией встреч Сталина с Шолоховым.

Примечания:

1. Архив Президента Российской Федерации (АПРФ), ф. 45, оп. 1, д. 827.

2. Среди писем и записок Шолохова — 8 автографов, 4 машинописные копии текста с личной подписью М. Шолохова и 2 машинописные копии.

3. АПРФ, ф. 54, оп. 1, д. 99, лл. 58—60.

4. «Правда», 10.III.1963 г. Речь идет о письмах Шолохова от 4 и 16 апреля и телеграммах Сталина от 16 и 22 апреля 1933 года. Об этих же документах говорится и в книге Р. Медведева «О Сталине и сталинизме», 1990, с. 210—211.

5. АПРФ, ф. 3, оп. 40, д. 85, л. 1—2.

6. См. документ № 3.

7. Шолохов М. А. О простом слове. «Правда», 23.XII.1939. См. прим. № 45.

8. «Судьба Шолохова», спецвыпуск «Литературной России», I, 23 мая 1990 г. с. 8—10.

9. «Правда», 30 мая 1990 г. — В. Осипов «Шолохов и Сталин». «Гласность», № 1(82), 1 января 1992 г. — «Сталин и «Тихий Дон». «Родина», 1992, № 11—12., «Источник», 1993, № 4—6, «Вопросы истории», 1994, № 3.

ПЕРЕПИСКА

1. М. А. ШОЛОХОВ — И. В. СТАЛИНУ

16 января 1931 г.

Станица Вешенская

Тов. Сталин!

В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края создалось столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам.

Выполняя план хлебозаготовок, колхозы получили на прокорм рабочего скота, примерно, по 10 п[удов] на голову твердых кормов: зерна, отрубей, отходов от триеров и пр. Эти запасы берегутся к началу весенних полевых работ. А так как в 30 г. степной покос не дал сена (травы выгорели), то лошади и быки осенью 30 г. с подножного корма перешли на питание соломой и мякиной.

Осенью до глубоких заморозков пахали под зябь. Скот из пахоты вышел донельзя истощенным, и когда, вместо обычного корма, его поставили на солому, он дошел до пределов истощения и в декабре от бескормицы начал дохнуть.

Сколь грозно положение, судите по следующим цифрам: в колхозе «Красный Маяк» Миллеровского района (колхоз считается примерным!) *из 65 лошадей*

издохло 12. Ездят только на 4, остальные *лежат*. В Новопавловском колхозе Кашарского района в 1-й бригаде *из 180 лошадей*, насчитывавшихся осенью 30 г., к 12 января этого года осталось 67 лошадей, *113 издохло*. Не лучше и в остальных бригадах.

Ежедневно дохнет по 3—4 и больше лошадей. В большинстве колхозов или уже начался массовый падеж скота, или скот находится в состоянии крайнего истощения. По Вешенскому району быков и лошадей издохло более 1000 шт[ук], и если положение останется прежним, если колхозы не будут в самый кратчайший срок обеспечены кормом для скота, то к весне его останется 20—30%, но и оставшийся *не будет в состоянии работать*; а следовательно, создается самая непосредственная угроза весенней посевкампании.

Мне не хочется умножать примеров и приводить цифры издохшего скота по другим колхозам, чтобы не отнимать у Вас время. Достаточно того, что это явление не единичное и им поражены подавляющее *большинство* колхозов.

Т. Сталин! Положение в районах б[ывшего] Донецкого округа без преувеличения — катастрофическое. Так хозяйствовать нельзя! Районная печать скромно безмолвствует, парторганизации не принимают никаких мер к улучшению дела с прокормом оставшегося в живых скота. Каждый день промедления стоит стране большие тысячи рублей.

Таким «хозяйствованием» единоличнику не докажешь преимущества колхозов перед единоличным хозяйством, не исправив создавшегося положения. Колхозники морально подавлены и надо видеть лица их, когда они тянут трупы лошадей мимо дворов единоличников, у которых скот не дохнет и не поднимается за хвосты.

Я видел проездом в пяти—шести колхозах, *как* задают корм лошадям: сыпят мякину в корыта,

лошади расковыряют ее мордами, помечут под ноги, затолочат в навоз, а через час конюхи подбирают ее из-под ног и... сыпят обратно в корыта. Во многих колхозах лошадей уже не гоняют на водопой; не потому, что это — удобней, а потому, что лошади *не в состоянии* дойти до водопоя, лежат.

На фоне острой кормовой нужды, особенно сильно сказывающейся в хохлачьих р-нах, как-то нехорошо поражает вид совхозовских лошадей, сытых, упитанных. Совхозы помещаются в б[ывших] помещичьих имениях и это рождает у колхозников дикие аналогии. В совхозах хватает зерна. И колхозник — б[ывший] партизан, зло блестя глазами, говорит: «у панив и раньше была справниша худоба»... А совхозы уже переименовывают в «Совпаньски экономии». И это же иногородние, которые в 1919 году люто бились с казаками, среди которых очень много красных партизан и добровольцев-красноармейцев.

Несколько строк о мясозаготовках: из глубинных районов скот перебрасывается к станции, *стельных* коров, быков и овец гонят в одном гурте. Быки бьют коров и те «скидывают», телятся на шляхах, в степи, зачастую за 10—20 верст от жилья, разумеется, издыхают... на прогоне. Между сл[ободами]Ольховый Рог и Новопавловка (30 верст) я видел 3 коровьих трупа. В самой слободе Новопавловке до вечера лежала, издыхая, красненемецкой породы отличная корова, стельная, запоротая быками.

Телят ростят вместе с детишками в хате, от детишек отрывают молоко теленку и наоборот. Вам понятно, конечно, какое воздействие на психику колхозника производит вид дохнущего по дорогам скота.

Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь все это своими глазами, когда ходишь по колхозным конюшням, мимо *лежащих* лошадей;

М. Шолохов. 30-е годы.

когда говоришь с колхозником и не видишь глаз его, опущенных в землю.

По слободам ходят чудовищно разжиревшие собаки, по шляхам валяются трупы лошадей. А ведь зима не дошла и до половины.

Т. Сталин! 10 пудов зерна на лошадь или быка, даже не зерна, *а отрубей или отхода,* спасут оставшийся скот. Но в крае, видимо, забыли арифметику и не учитывают того, что 10 п[удов] зерна стоят 10 рублей, а лошадь — 150—200.

Пошлите комиссию в б[ывший]Донецкий округ и Вы убедитесь в достоверности того, что я Вам сообщаю.

М. Шолохов.

АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 827, л. 1—4. Машинописная копия.

2. М. А. ШОЛОХОВ — И. В. СТАЛИНУ

29 октября 1932 г.

т. Сталину

Во время сева колхозниками расхищается огромное количество семенного зерна. Крадут обычно из сеялок, т.к. сеяльщик имеет полную возможность «сэкономить» на гектаре полпуда и пуд семенного зерна, передвинув в процессе работы рычажок контролирующего аппарата по высеву, допустим, с 8 пудов на 7, или с 7 на 6.

А так как бригадиру или партприкрепленному проследить за работой каждой сеялки абсолютно невозможно, хищение в ряде колхозов и районов носит массовый характер, а зачастую — и организованный, когда бригадир действует по договоренности с сеяльщиками.

т. Сталину.

Во время сева колхозниками расхищается огромное количество семенного зерна. Крадут обычно из сеялок, т.к. сеяльщик имеет полную возможность сэкономить на гектаре полпуда и пуд семенного зерна, передвинув в процессе работы рычажок контролирующего аппарата по высеву, допустим, с 8 пудов на 7, или с 7 на 6.

А так как бригадиру или нарочноприкрепленному проследить за работой каждой сеялки абсолютно невозможно, — хищение в ряде колхозов и районов носит массовый характер, а зачастую — и организованный, когда бригадир действует по договоренности с сеяльщиками.

Считаю, что для того, что-бы сеяльщик не мог произвольно изменять норму высева, необходимо обязать пр-ния колхозов произвести в сеялках следующие, простые и не требующие никаких затрат приспособления:

1) на конце рычажка (рукоятки) контролирующего аппарат по высеву сделать отверстие, 2) в задней стенке семенного ящика, с левой стороны наглухо ввинтить шуруп с головкой, и обязать членов пр-ния колхозов, что-бы при установлении норм высева они проделывали следующую операцию, которая не дает возможности сеяльщику уменьшить норму: соединяли куском шпагата или проволоки отверстие в рукоятке с головкой шурупа и, завязав веревку, пломбировали ее.

Уверен, что такое мероприятие поможет сохранить большое количество зерна.

М.Шолохов

29.10.32.

Письмо М. Шолохова И. Сталину от 29 октября 1932 г. Лицевая и оборотная сторона.

Считаю, что для того, чтобы сеяльщик не мог произвольно изменять норму высева, необходимо обязать правления колхозов произвести в сеялках следующие, простые и не требующие никаких затрат приспособления:

1) На конце рычажка рукоятки контролирующего аппарата по высеву сделать отверстие, 2) в задней стенке семенного ящика, *с левой стороны* наглухо ввинтить шуруп с петелькой и обязать членов правления колхозов, чтобы при установлении норм высева они проделывали следующую несложную операцию, которая не дает возможности сеяльщику *уменьшить* норму: соединяли куском шпагата или проволоки отверстие в рукоятке с петелькой шурупа и, завязав веревку, пломбировали ее.

Уверен, что такое мероприятие поможет сохранить большое количество зерна.

29.10.32. *М. Шолохов.*

Там же, л. 6. Автограф.

3. М. А. ШОЛОХОВ — И. В. СТАЛИНУ*

4 апреля 1933 г.

Станица Вешенская

т. Сталин!

Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом

* Рукой А. Поскребышева написано: «От т. Шолохова». Пометки: «Когда получено?» «Получено 15 апреля». Рукой Сталина: «т. Молотову. Ст.», «Мой архив. Ст.» Отдельные фразы в письме подчеркнуты Поскребышевым.

районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом, район, как будто, ничем не отличается от остальных районов нашего края. Но причины, по которым 99% трудящегося населения терпят такое страшное бедствие, несколько иные, нежели, скажем, на Кубани.

Прошлые годы Вешенский район был в числе передовых по краю. В труднейших условиях 1930—31 гг. успешно справлялся и с севом и с хлебозаготовками. О том, как парторганизация боролась за хлеб, красноречиво свидетельствуют цифры роста посевных площадей. Посевная площадь по колхозно-единоличному сектору: 1930 г. — 87 571 гек., 1931 г. — 136 947 гек., 1932 г. — 163 603 гек.

Как видите, с момента проведения сплошной коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое. Как работали на полудохлом скоте, как ломали хвосты падающим от истощения и устали волам, сколько трудов положили и коммунисты и колхозники, увеличивая посев, борясь за укрепление колхозного строя, — я постараюсь — в меру моих сил и способностей — отобразить во второй книге «Поднятой целины». Сделано было много, но сейчас все пошло насмарку, и район стремительно приближается к катастрофе, предотвратить которую без Вашей помощи невозможно.

Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. На примере Вешенского района я постараюсь это доказать.

В 1931 г. колхозы Вешенского района полностью

выполнили план хлебозаготовок в 21 000 тонн, заготовили семена на 163 603 гек. озимого и ярового клина, выдали колхозникам на трудодни 7323 тонны ($8^1/_2$ пудов, в среднем, на едока) и осенью подняли 73 000 гек. зяби.

Весною 1932 г. приступили к севу. Решение ЦК и Совнаркома «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г.»[1] застало колхозы нашего района еще в момент сева колосовых. Его проработали во всех бригадах, распространили широчайшим образом. И оно сыграло немалую роль в деле поднятия производительности труда! Колхозника ориентировали так: «В прошлом году колхоз ваш сдал на хлебозаготовки одну тысячу тонн, а в этом году, при сниженном плане, сдаст меньше. Остальное — ваше! Распределяйте на трудодни и распоряжайтесь, как хочете».

План сева к 26 мая был выполнен по району целиком, включая и 13 000 гектар[ов] дополнительного. Но надо сказать, что на изрядной и никем не учтенной площади высев зерна был произведен в значительно меньшей норме, чем полагалось бы, т.к. зерно крали колхозники во время сева из сеялок. В этом деле бесспорно одно: воровали не «из любви к искусству» и не ради стяжания, а, в большинстве случаев, потому, что в 1931 г. получили — по сути — полуголодную норму ($8^1/_2$ пудов на едока), да из этой нормы весною 1932 г., когда край прислал дополнительный план по пшенице, взяли на обсеменение часть выданного осенью хлеба.

Каков был урожай по верхнему Дону в 1932 г.? Я изъездил и исходил много полей, и не только колхозов Вешенского, но и соседних районов. Урожай можно смело назвать «лоскутным». Он и пестр был, как лоскутное одеяло. Стогектарная клетка пшеницы, посеянной в первых числах апреля, на вид

давала 30—35 пудов, а рядом такая же клетка пшеницы, посеянной в конце апреля либо в начале мая, выглядела неизмеримо хуже. В одном и том же колхозе урожай колебался от 4 пудов с гектара до 40. Большое количество посевов — преимущественно поздних — погибло окончательно. Так, по колхозам Вешенского района из общей посевной площади в 163 603 гек. погибло 14 017 гек. одной пшеницы, да 6866 гек. пропашных.

В конце июня секретарь РК Луговой[2] получил двухмесячный отпуск по болезни. С этим временем совпал уход старого председателя РИК'а[2-1]. Заворг РК Лимарев[2-2] и новый председатель РИК'а Карбовский приступили к составлению хлебофуражного баланса, используя данные районной комиссии по определению урожайности.

Районная комиссия, определявшая урожайность, в большинстве состояла из людей, новых в районе, абсолютно не знавших ни условий района, ни того, как проводился весенний сев. Комиссия не учла того обстоятельства, что 20 883 гек. погибших посевов не исчерпывали минусов районного хозяйства, что помимо этого по колхозам имелась огромная неучтенная площадь поздних, забитых сорняками хлебов, которая даст значительно сниженную урожайность. Поэтому-то и была допущена переоценка урожайности. В среднем ее установили по пшенице 5 центнеров с 1 гектара и по ржи 7 центнеров, а в среднем по всем культурам, включая все колосовые и пропашные, — 5 центнеров с 1 гектара.

Опираясь на выводы комиссии, районное руководство, составлявшее хлебофуражный баланс, пришло к заключению, что валовая продукция по району составит 82 000 тонн. Нелепость такого предположения очевидна уже по одному сопоставлению следующих цифр: известно, что урожай 1932 г. был

ничуть не лучше урожая 1931 г., следовательно, если за отправное брать одинаковую урожайность этих лет, то прирост валовой продукции и в 1932 г. должен идти только за счет прироста посевной площади. Валовая продукция по району за 1931 г. составляла 43 165 тонн, посеяли в 1932 г. по сравнению с 1931 г. на 26 656 гек. больше, перемножив 26 656 на 5 центнеров, мы получим, разумеется, грубый, но все же приближающийся к действительности подсчет прироста валовой продукции за 1932 год. В общей сложности валовая продукция в 1932 г. едва ли превышала 56 000—57 000 тонн. Ее же «определили» в 82 000 тонн. Просчитались... миллиона на полтора пудов. Но не только просчитались, наспех состряпав «определение урожайности», вдобавок еще и хлебофуражный баланс районные руководители составили следующим образом: на хлебозаготовки — 22 000 тонн, на выдачу по трудодням — 18 696 тонн, на прокорм скота — 17 000, остальное — на семена и на различные фонды.

8 июля заворг РК Лимарев и председатель РИК'а Карбовский были вызваны в крайком для рассмотрения хлебофуражного баланса. Баланс был рассмотрен в присутствии т. Шеболдаева[3], который обвинил вешенское районное руководство в злостном преуменьшении урожайности, а баланс назвал «кулацким». Тут же он предложил Лимарева с работы снять, а в Вешенский район послать авторитетную комиссию, в обязанности коей входило установить доподлинную урожайность и, в случае, если подтвердится преуменьшение урожайности, — районное руководство снимать и судить. Вместо намечавшихся по балансу 22 000 тонн хлебозаготовок он предложил сдать 53 000 тонн и, соответственно с этим, пересоставить остальные статьи расходов по хлебофуражному балансу.

Лимареву т. Шеболдаев запретил выезд в район, оставив его своеобразным «заложником», а тем временем в Вешенскую выехала краевая комиссия по установлению «настоящей» урожайности. В комиссию эту вошло двое: зав. зерновым сектором крайкома т. Федоров и секретарь парткома Сельмаша т. Овчинников[4].

Что послужило т. Шеболдаеву основанием для обвинения Вешенского РК в преуменьшении урожайности, я не знаю, но думаю, что т. Шеболдаев никакими твердыми данными на этот счет не располагал и что в этом деле решающую роль сыграл т. Пивоваров[5], который в конце июня на автомашине наискось пересек Вешенский район и на обратном пути из Вешенской, на полях Варваринского колхоза, над дорогой видел ранний мелионопус[6]. Мелионопус этот был действительно превосходен! Пудов на 50 с гектара. После незавидных хлебов варваринский мелионопус обрадовал хозяйский глаз т. Пивоварова, но на совещании Пивоваров, вероятно, запамятовал, что не по всему Вешенскому району были такие стандартно-хорошие хлеба, и, когда в крайкоме встал вопрос об урожайности в Вешенском районе, Пивоваров заявил: «В Вешенском районе пшеница даст не меньше 10 центнеров с га. Стыдно вешенцам плакаться на плохой урожай!»

Случайное и несоответствующее действительности заявление т. Пивоварова бесспорно утвердило т. Шеболдаева в мысли, что вешенцы с урожайностью лукавят.

Перехожу к последовательному изложению событий. 14 июля Овчинников и Федоров прибыли в Вешенскую и в сопровождении заврайзо[7] Вешенского РИК'а Корешкова выехали на правую сторону Дона, где была наиболее плохая урожайность, определять на глазок «сколько даст гектар?».

Отъехали километров 10 от Вешенской. Федоров, указывая на делянку пшеницы, спрашивает у Корешкова: «По-твоему, сколько даст гектар этой пшеницы?». Корешков: «Не больше трех центнеров». Федоров: «А по-моему, — не меньше десяти центнеров!» Корешков: «Откуда тут десять центнеров?! Ты посмотри: хлеб поздний, забит осотом и овсюком[8], колос редкий. Такой урожай на этих землях был только в 1909 году. Это ведь тебе не Кубань».

Проехали километров 5 и снова стали определять. И снова разошлись в оценке... Этак несколько раз. Доехали до посевов Грачевского колхоза. Тут-то и возникла между Корешковым и Федоровым жестокая перепалка. «Сколько даст этот гектар?» — спрашивает Федоров. «Пять центнеров», — отвечает Корешков. «Не пять, а девять или десять!» — «Колос от колоса, — не слыхать девичьего голоса, и десять?» — Федоров ответил на это буквально следующее: «Если смотреть с машины, то колос действительно кажется редким, а вот ты слезь с машины, нагнись да посмотри: сплошные колоски!».

Корешков — сын батрака, украинца Криворожского района. Отца его запороли в конце 1918 г. казаки. Сам Корешков в марте 1918 г. ушел в красный партизанский отряд им. Гаврилова и с 1918 г. по 1923 г. был в Красной армии, сначала рядовым и под конец пом. комполка. Исходил все фронты, начиная с Южного и кончая Средней Азией, был два раза ранен и два раза контужен (последний раз тяжело), имеет орден Красного Знамени. После демобилизации работал на Кадиевском руднике шахтером, а потом у себя на родине председателем сельсовета. В 1930 г. окончил курсы по советскому строительству при ВЦИК'е, был направлен на Северный Кавказ и послан в Вешенский район заведовать Райзо.

Корешков — человек грубоватый от природы, вежливому обращению необученный, да вдобавок еще страдающий нервными припадками (последствия контузии) — взбешенный советом зав. зерновым сектором крайкома т. Федорова «слезть с машины, нагнуться и усмотреть сплошные колоски» — ответил: «Я вот сыму штаны, да стану раком, а ты нагнись и погляди. Не такое увидишь!..».

Снова крепко поругались. Корешков, видя беспомощность членов комиссии по части вопросов сельского хозяйства, решил убедиться в их познаниях окончательно: подъехали к затравевшей деляне. «Что тут посеяно, как вы думаете?» — спрашивает Корешков. Члены комиссии пришли к общему заключению, что посеяно просо. На самом же деле это была деляна майских паров, на которых кое-где взошло просо-падалица и редкие подсолнухи, перемешанные со всяческими сорняками...

Все это, дорогой т. Сталин, было бы смешно, если б, разумеется, не было так грустно. Так вот дальше: сопутствуемая Корешковым комиссия проехала по хлебам ряда колхозов, еще раз попытались совместно определить урожайность, но и тут неудачно. На этот раз объектом определения было просо Напановского колхоза. Корешков утверждал, что просо даст не больше 6 центнеров, а члены комиссии полагали, что даст не меньше 14—15 центнеров. Подозревая, что члены комиссии над ним издеваются, Корешков слез с машины и заявил: «Вы езжайте и определяйте сами, а я пешком пойду в Вешенскую! Так определять нельзя!».

Кое-как примирившись, вернулись они в Вешенскую вместе. Тем временем в Вешенской срочно пересоставляли хлебофуражный баланс. Пересоставляли, но ничего не получалось, т.к. при новом плане хлебозаготовок в 53 000 тонн не выходило колхоз-

нику на трудодень по 2 кил. хлеба. А крайком ориентировал именно на эту норму. Для того чтобы «сбалансировать», Овчинников предложил на бюро РК повысить урожайность в среднем на 1 центнер. Бюро голосовало этот вопрос и, несмотря на настойчивое требование Овчинникова, повышать отказалось. «Сбалансировали же» за счет снижения нормы натуральной выдачи и за счет беспощадной урезки фуража и фондов, из коих полагалось выдавать сельским специалистам: врачам, агрономам, учителям и пр.

Овчинников уехал в Ростов и заверил крайком, что план в пятьдесят с лишним тысяч тонн вполне реален для Вешенского района. План окончательно утвердили в размере 51 700 тонн и 21 июля уже приступили к разверстанию плана по колхозам Вешенского района.

Отсюда и началось массовое хищение хлеба. Колхозник рассуждал так: «В 1931 г. план мы выполнили с напряжением, и весной на семена занимали у нас. А теперь, вместо обещанного в мае снижения, придется платить в два с половиной раза больше. Значит, хлеб заберут весь до зерна. Надо запасаться!». И начали запасаться, невзирая на постановление «Об охране общественной собственности»[9]. Воровали на покосе, на гумнах, всюду! И не только воровали, но и плохо работали.

В августе в течение трех недель шли дожди. Они погубили десятки тысяч центнеров хлеба. В один из таких дней я ехал верхом через поля Чукаринского колхоза. Дождь прошел утром. Грело солнце. Копны, испятнившие всю степь, надо было раскидывать и сушить, но бригады все были не в поле, а на станах. Подъехал к одному стану. Человек 50 мужчин и женщин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, бабы ищутся, словом, празднуют.

Обозленный, я спрашиваю: «Почему не растрясаете копны? Вы что, приехали в поле искаться да под арбами лежать?». И, при сочувственном молчании остальных, одна из бабенок мне объяснила: «План в нонешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь заграницу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить... Нехай пашеничка трошки подопреет. Прелая-то она заграницу не нужна, а мы и такую поедим!».

К середине ноября большая часть хлеба была обмолочена и свезена на ссыппункты. Крайком во второй раз снизил план на 11 139 тонн. По колхозам приступили к вторичному обмолоту. Чрезвычайный уполномоченный крайкома т. Гольман приступил к вывозу хлеба, оставлявшегося на семена. Начались интенсивные поиски разворованного зерна. К 14 ноября было обыскано около 1500 хозяйств из общего количества имеющихся по району 13 813 хозяйств. План хлебозаготовок к середине ноября был выполнен на 82%. Сдано было около 31 000 тонн.

Но т. к. падающая кривая поступлений хлеба не обеспечивала выполнения плана к сроку, крайком направил в Вешенский район особого уполномоченного т. Овчинникова (того самого, который некогда приезжал устанавливать «доподлинную» урожайность). В день приезда Овчинников провел совещание с Гольманом и секретарем Вешенского РК Добринским. На его вопрос, «будет ли выполнен план?», Гольман ответил отрицательно. Сомнения высказал и секретарь РК Добринский. Овчинников им заявил, что «плана они не выполнят, сколь у них нет веры в его реальность», и предупредил о том, что поставит об этом в известность т. Шеболдаева.

16 декабря Овчинников, Гольман и Добринский приезжают в крайком. По представлению Овчинни-

кова, Гольмана — члена партии с 17 или 18 года — исключают из партии, а Добринского снимают с работы с запрещением в течение 3 лет занимать ответ[ственные] парт[ийные] должности.

20 [декабря] Овчинников возвращается в Вешенскую. На расширенном заседании бюро РК, в присутствии уполномоченных РК и секретарей ячеек, прорабатывается решение крайкома о Гольмане и Добринском. Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!».

Отсюда и начинается «ломание дров». Овчинников знал, что по колхозам в наличии имеется ничтожное количество хлеба, что переобмолот, перечистка озадков[10] и изъятие ворованного хлеба далеко не обеспечат выполнение плана. Он стоял перед очень щекотливой альтернативой: либо заявить т. Шеболдаеву, что он его обманул, заверяя в том, что 53 000 тонн — план для Вешенского района вполне реальный, либо выполнить план или приблизиться к выполнению. Но, т.к. выполнить обычными способами, применяя не противоречащие закону и партийной совести репрессии, было невозможно — и Овчинников это чудесно знал, — он и дал официальную установку парторганизации: «Хлеб взять любой ценой! Дров наломать, но хлеб взять!». Установка эта была подкреплена исключением из партии на этом же бюро РК 20 коммунистов — секретарей ячеек, уполномоченных РК и председателей колхозов, отстававших с выполнением плана хлебозаготовок.

Далее Овчинников провел следующие мероприятия, о разумности и законности которых судите сами: 1) приказал изъять весь хлеб, по всем хо-

С земляками в Вешенской.

зяйствам района, в том числе и выданный в счет 15% аванса по трудодням; 2) задолженность каждого колхоза по хлебозаготовкам приказал разверстать по бригадам с тем, чтобы те разверстали по дворам. Таким образом контрольная цифра сдачи хлеба была доведена до каждого колхозника. Последнее мероприятие было санкционировано крайкомом.

Какие же результаты дали эти мероприятия? 1) Когда начались массовые обыски (производившиеся обычно по ночам) с изъятием не только ворованного, но и ВСЕГО ОБНАРУЖЕННОГО ХЛЕБА, — хлеб, полученный в счет 15% аванса, СТАЛИ ПРЯТАТЬ И ЗАРЫВАТЬ, чтобы не отобрали. Отыскание ям и изъятие спрятанного и неспрятанного хлеба сопровождалось арестами и судом; это обстоятельство понудило колхозников к массовому уничтожению хлеба. Чтобы хлеб не нашли во дворе, его стали выбрасывать в овраги, вывозить в степь и зарывать в снег, топить в колодцах и речках и пр.

2) Доведение контрольной цифры по сдаче хлеба до каждого хозяйства свело на нет всю ранее проделанную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Району не хватало до 100% выполнения плана хлебозаготовок более 10 700 тонн. В среднем на каждый двор приходилось контрольного задания по 45—60 пудов (по сути урожай с 2—3 гектаров...). Произошло чудовищное и ни с чем несравнимое смешение: пошло насмарку классовое расслоение (бедняк ли, середняк ли — плати 30—40—50 пудов, а нет — исключают из колхоза, выгоняют из хаты на снег, конфискуют корову, картофель, соленые овощи, а то и все имущество, что называется, до нитки). Понятие «ударник» исчезло: 50 трудодней у колхозника на книжке или 300, или 700 — контрольная цифра для всех одинакова. Мало того, что у ударника отобрали ранее выданный 15%

аванс, его и по сдаче хлеба сравняли с действительным вором и лодырем.

Собрать 10 000 тонн ворованного хлеба, т.е. такое количество, которого не было, — дело нелегкое. К выполнению плана можно было приблизиться, по мысли Овчинникова, только пустив в ход все средства. И он, по взаимной согласованности с приехавшим на место Гольмана уполномоченным крайкома Шараповым (директором Ростовского завода «Красный Аксай»)[11], дал прямую установку на перегибы, развязала руки «левакам» и массовым исключением из партии секретарей ячеек, уполномоченных РК, председателей колхозов и сельских советов, немедленными после исключения арестами вынудил стать на «левую» позицию всю полуторатысячную парторганизацию Вешенского района.

Установка Овчинникова — «Дров наломать, но хлеб взять!» — подхватывается районной газетой «Большевистский Дон». В одном из номеров газета дает «шапку»: «ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ЗАСЫПАТЬ СЕМЕНА!». И начали по району с великим усердием «ломать дрова» и брать хлеб «любой ценой».

К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИК'а Королева по району уже имелись плоды овчинниковского внушения:

1)В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК, Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространившийся по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод[12], по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем

надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

3) В Лиховидовском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садился, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание.

На первом же бюро РК новый секретарь РК поставил вопрос об этих перегибах. Было записано в решении бюро о том, что такие «методы» хлебозаготовок искажают линию партии. Об этом на другой день узнал Овчинников, приехавший из Верхне-Донского района (он работал особоуполномоченным по двум районам: Вешенскому и Верхне-Донскому), и тотчас же предложил секретарю РК: «О перегибах в решении не записывай! Нам нужен хлеб, а не разговорчики о перегибах. А вот ты с первых же дней приезда в район начинаешь разговоры о перегибах и тем самым ослабляешь накал борьбы за хлеб, расхолаживаешь парторганизацию, демобилизуешь ее!».

Кузнецов настаивал на том, чтобы записать, тогда Овчинников написал телеграмму на имя т. Шеболдаева, примерно, такого содержания: «Новое руководство Вешенского района колеблется, говорит о перегибах, а не о хлебе, и тем самым демобилизует работников мест. Необходимо ответ-

ственность за ход хлебозаготовок возложить персонально на тт. Кузнецова и Королева» и пр.

Телеграмму подписали Овчинников и Шарапов, находившийся под идейным протекторатом Овчинникова. Секретаря РК Кузнецова Овчинников ознакомил с содержанием телеграммы, на просьбу оставить в РК копию телеграммы ответил отказом. Затем пошел на телеграф, предложил, чтобы телеграмму передали не по телеграфу, а по телефону. Телеграмму передали при нем. Текст Овчинников положил в карман, а зав. телеграфом, коммунисту, на его слова — «Оставьте текст» — ответил: «Не твое дело!». Словом, телеграмму послал и «следов» не оставил... После этого он вернулся в РК и заявил Кузнецову: «Ты думаешь, что крайком не знает о перегибах? Знает, но молчит. Хлеб-то нужен? План-то надо выполнять?»

И рассказал исключительно интересный случай из собственной практики; случай, по-моему, проливающий яркий свет на фигуру Овчинникова. Передаю со слов секретаря РК Кузнецова и ряда других членов бюро РК, которым Овчинников этот же случай рассказывал в другое время.

«В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На 16 Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко[13] и спрашивает у Шеболдаева: «А кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить». «А вот он, секретарь Вольского

ОК», — отвечает Шеболдаев, указывая на меня. «Ах, вот как! — говорит Крыленко. — В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне». Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании[14] с секретарями крайкомов Молотов заявил: «Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять, даже поссорившись с крестьянином, или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое». После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!».

Как видите, помимо прямых установок для низовых партработников Овчинников употреблял для районного партактива и методы тонкой психологической обработки, не брезгуя для увеличения своего авторитета и такими вещами, как афиширование своей близости к т. Шеболдаеву.

Естественно, что после истории с решением о перегибах РК закрыл глаза на все безобразия, которые творились в районе, а если в особо исключительных случаях и говорил по поводу перегибов, то так глухо, как из воды. Решения выносились больше для очистки совести, не для проработки на ячейках, а для особой папки, на всякий случай.

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов. Вот установки, которые он давал уполномоченным РК, командирам агитколонн, всем, кто заготовлял хлеб: «Не открывают ям — оштрафуй хозяйств 10—15, забери у них все имущество, картофель, солку, выкинь из домов, чтобы гады подыхали на улице! А через два часа, если не будет перелома, снова созывай собрание и снова выкидывай на мороз хозяйств десять!».

По его предложению стали широко практиковаться методы провокации. Делалось так: колхозника Иванова вызывают и говорят: «Твой сосед Петров сообщил нам, что у тебя есть яма. Признавайся, где зарыт хлеб». А Петрова вызывают и говорят ему обратное. Потом на собрании бригады колхозников стравливают, как собак, и поощряют кровавые побоища. «Страви их, чтобы волосы один на одном рвали, чтобы морды били друг другу до крови, а сам уходи в другую бригаду. Устрой там драку и иди в третью. Сам будь в стороне», — поучал Шарапов уполномоченных РК и секретарей партячеек.

О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлении колхоза, громя работавших по хлебозаготовкам, Шарапов не знал иного обращения, кроме как «сволочь», «подлец», «кусок слюнтяя», «предатель», «сукин сын». Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный крайкома объяснялся с районными и сельскими коммунистами.

До чистки партии[15] за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения, как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба,

жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках «подаяния»...

Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий, т.к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб. И большинство терроризированных коммунистов потеряли чувство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя было назвать перегибами; людей пытали, как во времена средневековья; и не только пытали в комсодах, превращенных, буквально, в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех «способов», при помощи которых работали агитколонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, взятого с момента применения репрессий.

По *Вешенскому* району: 1. Хозяйств — 13813; 2. Всего населения — 52069; 3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветами и пр. — 3128; 4. Из них приговорено к расстрелу — 52; 5. Осуждено по приговорам Нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ — 2300; 6. Исключено из колхоза хозяйств — 1947; 7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот) — 3350 хозяйств; 8. Выселено из домов — 1090 хозяйств.

Цифры эти — на 24 января, т.е. почти по конец хлебозаготовок. Теперь о результатах, полученных после применения всей суммы этих репрессий. На 24 января хлеба найдено: 1. В ямах — 2518 цент.,

2. В др. местах — 3412 цент. Всего — 5930 цент. В этот итог надо включить и отобранный 15% аванс и тот хлеб (наиболее крупные из найденных ям), который зарывали еще будучи единоличниками. Находили ямы с хлебом, зарытым еще в... 1919 г. А потом по урожайным годам: в 1924, 1926, 1928.

Теперь о методах, которые применяли во всех колхозах района согласно установкам Овчинникова и под непосредственным руководством Шарапова. Выселение из дома и распродажа имущества производилась простейше: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим, 10 центнеров. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю его задолженность, включая и произвольно устанавливаемую убыточность, понесенную колхозом за прошлые годы, и предъявляли все платежи, как к единоличнику. Причем соответственно сумме платежей расценивалось имущество колхозника; расценивалось так, что его в аккурат хватало на погашение задолженности. Дом, например, можно было купить за 60—80 руб., а такую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью — будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем, как тени, слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному крайкомом, им и там нельзя было

ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском, Лебяженского колхоза, ночью, на лютом ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?

Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь крайкома Зимин[16]. По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК выступил по поводу хода хлебозаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки, — «Сколько у тебя выселенных из домов?». «Сорок восемь хозяйств». «Где они ночуют?». Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!».

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его, после того как ребенок

замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. Зимин?

Число замерзших не установлено, т.к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеками.

Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.

2. Сажание «в холодную». «Есть яма?». — «Нет». — «Ступай, садись в амбар!». Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин[17] при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а

[illegible] от Шолохова

Дорогой т. Сталин!

После освобождения из под ареста секретаря Вешенского РК ВКП /б., Лугового, председателя РИК"а Логачева и уполномоченного КомЗагСНК Красюкова бюро Ростовского обкома партии приняло решение о возвращении Лугового и других на прежнюю работу. В этом решении было записано следующее: "... Материалами следствия установлено, что т.т. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками к.-р. право-троцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях."

Эта формулировка неверна по существу и придумана для того, что-бы замести следы вражеской работы. Чего проще: оклеветали вешенских коммунистов враги, на то они и враги, что-бы клеветать; оклеветанные реабилитированы; заблуждение, в коем пребывали Ростовский обком и обл. УНКВД, рассеяно решением ЦК. А на самом деле было все это иначе. Обком /враги бывшие в нем и находящиеся сейчас/ создали на Лугового и остальных дело, заведомо зная, что Луговой и остальные непричастны к вражеской работе, враги исключили их из партии, а враги сидящие в органах НКВД Ростовской области заставили других арестованных дать на Лугового, Логачева, Красюкова ложные показания. И не только некоторых арестованных заставили клеветать, но пытались всеми мерами и способами добиться таких-же ложных показаний и от самих Лугового, Логачева и Красюкова. В какой-то мере они преуспели и здесь: сломленный пытками Логачев дал ложные показания на многих честных коммунистов, в том числе и на меня, и даже самого себя оговорил. Логачев, которого как и остальных арестованных, буквально истязали в Новочеркасской тюрьме /к методам следствия и допроса, практиковавшимся в Азово-Черноморье, я вернус в конце письма/, дал именно те показания, какие от него вымогали.

В заключение – о "видах на будущее": если в 1931г. по р-ну было 73000 гек. зяби, то в 1932г. только 25000; а план сева яровых в 1933г. увеличен по сравнению с прошлым годом на 9000 гек.

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50000 населения голодают никак не меньше 49000. На эти 49000 получено 22000 пудов. Это на три месяца. Истощенные опухшие колхозники, давшие стране 2.300.000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время чорт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день, в распутицу возивший с места на место хлеб, по милости Шарапова и РК. Все это вместе взятое приводит к заключению, что план сева колхозы р-на к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог прийдется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно история с хлебозаготовками 1932г. повторится и в 1933г. Вот перспективы уже сейчас грозно встающие перед выведенными на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК – пошлите в Вешенский р-он доподлинных коммунистов, у которых хватило-бы смелости, не взирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство р-на, которые по настоящему-бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные "методы" пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском р-нах нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам нежели на таком материале создавать последнюю книгу "Поднятой целины"

С приветом Шолохов

Ст. Вешенская СКК
4 апреля 1933 г.

Письмо М. Шолохова И. Сталину от 4 апреля 1933 г. Первый и последний лист.

нет — сам застрелю!». Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный), и, когда шелкнул боек, упал в обмороке.

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский[18] при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику — подозреваемому в краже — во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. (Нумерация нарушена Шолоховым. — *Ред.*) В

Кружилинском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собрании 6 бригады спрашивает у колхозника: «Где хлеб зарыл?». «Не зарывал, товарищ!». «Не зарывал? А, ну, высовывай язык! Стой так!». Шестьдесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени.

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых добоса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по нескольку раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском кол-

хозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этакое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

Аналогичная история происходила и в Верхне-Донском районе, где особоуполномоченным был тот же Овчинников, являющийся идейным вдохновителем этих жутких издевательств, происходивших в нашей стране и в 1933 г.

Подтверждение фактов, которые я приводил, иллюстрируя работу по хлебозаготовкам, Вы можете получить в крайкоме и КрайКК[19]?. В конце марта в Вешенский район приезжали ответ. инструктор крайкома т. Давыдов и ответ. инструктор КрайКК т. Минин. Они располагают проверенным материалом по большинству приведенных мною случаев.

К Вам я обращаюсь с этим письмом вот почему: когда слух об извращении линии партии дошел до

крайкома, в Вешенский район был послан член бюро крайкома — редактор краевой газеты «Молот» т. Филов. Он опросил кое-кого из райпартактива и, столкнувшись с заявлениями ряда товарищей о том, что установки на перегибы они получали из уст особоуполномоченного крайкома Овчинникова и уполн[омоченного] Шарапова, занял довольно странную позицию... Дело в том, что Овчинников на последнем пленуме крайкома был избран кандидатом в члены бюро крайкома и выдвинут секретарем Ростовского горкома. Филов, будучи в Вешенской и узнав о том, что Овчинников в свое время запретил писать в решении бюро Вешенского РК о перегибах, посоветовал секретарю РК Кузнецову: «ОВЧИННИКОВА ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАЙТЕ...».

Между тем еще до приезда Филова в районе был член бюро крайкома комсомола т. Кавтарадзе, который обследовал работу агитколонны, действовавшей под командованием Пашинского. По настоянию Кавтарадзе Пашинский и ряд работников агитколонны были исключены из партии и комсомола, а в настоящее время арестованы, находятся в заключении и ждут, когда крайком примет решение по их делу, т.к. следствие закончено и весь материал отослан в крайком.

Должен прямо сказать: крайком пока ведет линию на привлечение к ответственности «стрелочников». Глубокого всестороннего расследования событий, происходивших в Вешенском районе, не было, да, вероятно, и не будет, сколь такие авторитетные люди, как член бюро крайкома Филов, прямо советуют: «Овчинникова лучше не трогайте...». А присмотреться к тому, что происходит в районах, надо. Расследовать надо не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над Совет-

ской властью, но и дела тех, чья рука направляла. Чего стоит, например, деятельность такого коммуниста, как уполномоченного крайкома Шарапова. Перед поездкой на пленум крайкома он зашел в РК и в моем присутствии повел следующий разговор с секретарем РК Кузнецовым: «На какой бы это козе подъехать в крайкоме, чтобы нам разрешили не весь хлеб перебрасывать с глубинок... Чтобы для колхозов левобережья оставили семенную страховку».

В это время поступления семян по всему району не превышало 5—6 центнеров в день. Было ясно, что не только 100% семфондов колхозы района не соберут, но не заготовят и 2%. Исходя из этого, я и посоветовал Шарапову: со всей большевистской смелостью заявить т. Шеболдаеву, что семенами Вешенский район не обеспечится и что переброску из глубинок необходимо немедленно прекратить. Шарапов только улыбнулся, вероятно, считая мои речи необычайно наивными. А Кузнецов сказал: «Если об этом сейчас заявить, то мало того, что ж... набьют, но и партбилет отымут!».

Будучи прекрасно осведомлены о том, что колхозы района не заготовят семян, и Шарапов и Кузнецов не заявили об этом в крайкоме, тем самым ввели крайком в заблуждение, в результате чего более 6000 тонн хлеба в феврале было переброшено из колхозов на пристанские пункты, а в марте этот же хлеб стали возить обратно. Тягло поставили, что называется, на постав, а вот теперь это тягло отказывается работать. Сев провален будет в текущем году в основном только благодаря этому.

К характеристике физиономии Шарапова будет не лишним добавить, что этот коммунист, пользовавшийся высоким доверием крайкома, уезжая из

Вешенского района, не постеснялся запастись салом, конфискованным у выселенного колхозника, а также приобрести тулуп. Тулуп был расценен в 80 руб. и куплен для работников зерносовхоза, но тулуп приглянулся т. Шарапову. Ему уступили тулуп за эту же цену, но Шарапов заявил, что он не в состоянии платить такие деньги... В расценке срочно произвели «исправление» — вместо 80 руб. поставили 40, и Шарапов укатил в Ростов в купленном по дешевке тулупе и с запасом сала...

В заключение — о «видах на будущее»: если в 1931 г. по району было 73 000 гек. зяби, то в 1932 г. только 25 000, а план сева яровых в 1933 г. увеличен по сравнению с прошлым годом на 9000 гек.

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день, в распутицу возивший с места на место хлеб, по милости Шарапова и РК. Все это, вместе взятое, приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, — пошлите в Вешенский район доподлин-

ных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом *М. Шолохов.*

Ст. Вешенская СКК 4 апреля 1933 г.

Там же, л. 7—22. Подлинник.

4. И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

16 апреля 1933 г.

Молния
Станица Вешенская Вешенского района
Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи. Назовите цифру.

Сталин.

16.IV.33 г.

Там же, л. 23. Копия.

5. М. А. ШОЛОХОВ — И. В. СТАЛИНУ

16 апреля 1933 г.

Станица Вешенская

Дорогой т. Сталин!

Телеграмму Вашу получил сегодня[20]. Потребность в продовольственной помощи для двух районов (Вешенского и Верхне-Донского), насчитывающих 92 000 населения, исчисляется минимально в 160 000 пудов. Из них для Вешенского района — 120 000 и для Верхне-Донского — 40 000. Это из расчета, что хлеба этого хватит до нови, т.е. на три месяца.

Разница в цифрах по районам объясняется тем, что Верхне-Донской район граничит с ЦЧО, откуда колхозники и добывают хлеб, имущие — меняя на барахло, неимущие — выпрашивая «христа ради». Для верхнедонцов есть «отдушина», а Вешенский район ее не имеет. Пухлые и умирающие от голода есть и в Верхне-Донском районе, но все же там несравненно легче. Это я знаю и по личным наблюдениям и со слов секретаря Верхне-Донского РК т. Савуша.

Савуш считает, что до нови его району будет достаточно и 20 000 пудов. Но этот оптимистический подсчет не отвечает действительности уже по одному тому, что он построен на следующих основаниях: «появилась зеленка, народ вышел на подножный корм, в июне работы меньше, следовательно, как-нибудь дотянем до косовицы...». Слов нет, не все перемрут даже в том случае, если государство вовсе ничего не даст. Некоторые семьи живут же без хлеба на водяных орехах и на падали

с самого декабря месяца. А таких «некоторых» как раз большинство. Теперь же по правобережью Дона появились суслики и многие решительно «ожили»: едят сусликов, вареных и жареных, на скотомогильники за падалью не ходят, а не так давно пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную на салотопке, лишенную всякой питательности падаль...

Сейчас на полевых работах колхозник, вырабатывающий норму, получает 400 гр. хлеба в сутки. Но те из его семьи, которые не работают (дети, старики), ничего не получают. А много ли найдется таких, с закаменевшими сердцами, которые сами съедали бы эти разнесчастные 400 гр., когда дома — пухлая семья. И вот этакий ударник половину хлеба отдает детишкам, а сам тощает, тощает... Слабеет изо дня в день, перестает выполнять норму, получает уже 200 гр. и под конец от истощения и всяческих переживаний ложится, как измученный бык, прямо на пахоте. Он уж не только работать, но и по земле ходить-то не может. Такие полутрупы с полей отвозят в хутора. А дома чем его голодная семья отпечалует?

Поэтому я считаю 120 000 пудов минимальной цифрой для Вешенского района и для Верхне-Донского — 40 000. В среднем на душу выйдет по два пуда с фунтами на три месяца. Подмешивая к муке всякие корешки, проживут и работать будут, как черти. А сейчас с выработкой беда. План ярового сева по Вешенскому району 134 750 гек. Сеют с 9 апреля. По плану кончить сев колосовых должны к 27 апреля. Посеяно же всего только 18 349 гек. По району осталось еще 6,5 тыс. гек. зяби. Кончат зябь, упрутся в весновспашку, и поползет кривая вниз. Если в прошлом году, когда начался

массовый сев, колхозы района засевали в день 5000—6000 гек., то в этом году больше 1000 гек. еще не засевали за день.

Верхне-Донской район по плану должен засеять 91 000 гек., а засеял только около 17 000. Уже сейчас совершенно очевидно, что эти районы к сроку планы сева не закончат.

Плохо с севом и по Миллеровскому району, где благодаря необеспеченности семенами простаивают не трактора, а целые МТС. 22 марта я послал в «Правду» телеграмму о переброске семян в Миллеровский район. «Правда» телеграмму напечатала, снабдив ее заголовком «Результат непродуманной работы», а также примечанием от редакции[21]. Бюро райкома 27 марта выносит решение по поводу этой телеграммы. В решении говорится о том, что Вешенский и Верхне-Донской районы должны были перебросить по одной тысяче тонн пшеницы на Миллеровский элеватор еще за погоду, но благодаря тому, что районные работники проявили неповоротливость и нежелание организовать перевозку, своевременная доставка зерна была сорвана. В конце решения записано: «Отметить, что со стороны Шолохова сигнализации краевым организациям не было».

Решение это несколько странное, и вот почему:

1. Дело не в том, что районы «не хотели возить» и проявили непонятную неповоротливость. О каком «нехотении» можно говорить, когда речь идет о приказе крайпосевкома? Было вот как: в начале марта Вешенский РК получает телеграмму за подписями Гарина (зам. ПП ОГПУ)[22] и Опова (крайзаготзерно) о том, чтобы колхозы района, на основании решений крайпосевкома, в течение пяти дней перевезли на Миллеровский элеватор 1000 тонн пшеницы.

При тогдашнем состоянии дорог нужно было все тягло, имеющееся в районе бросить на перевозку. Причем колхозы должны были отправить подводы сначала на пристанские пункты (расстояние от 10 до 60 кил.), погрузить хлеб, а потом уже везти его на Миллерово (от пристанских пунктов до ст. Миллерово расстояние 165—190 кил.). РК послал телеграмму, прося об отмене решения о переброске, т.к. в противном случае район рисковал оставить все тягло по дорогам Миллеровского района. Спустя несколько дней была получена телеграмма, подписанная секретарем крайкома Зиминым, подтверждающая прежнее решение. За это время наступила оттепель. Дороги стали непроездны. Угроза массовой, чуть ли не поголовной гибели скота встала во весь рост. (По плохой дороге на волах везти груз за 165—190 кил. было нельзя потому, что требовалось на такой прогон не менее 12—15 суток; на этот срок завезти с собой корм скоту было невозможно, а добыть у миллеровцев, хронически страдающих от фуражной бескормицы, тоже нельзя.) Все же к перевозке приступили. Стали возить до ближайших колхозов Миллеровского района. В просовах[23] начали ломать ноги волам и лошадям. В это же время возили из Вешенского района и миллеровцы, сотнями терявшие скот. В двадцатых числах марта колхозы Вешенского района самовольно прекратили перевозку, т.к. возить стало абсолютно невозможно, а 28 [марта] от т. Зимина была получена т[елеграм]ма, разрешавшая перевозку прекратить... Промедление с началом переброски по Вешенскому району объяснялось не тем, что районные работники оказались вдруг неповоротливыми и «не захотели» возить, а тем, что хотели получить от крайкома санкцию на уничтожение скота, чтобы потом самим не отвечать за гибель его.

[2.] Что касается того, что я не сигнализировал краевым организациям, то это просто-таки смешно. Кому же было сигнализировать, крайпосевкому, который обязывал возить? Но ведь крайпосевкому уж наверное было известно расстояние от пристанских пунктов Вешенского района до Миллерова, точно так же, как известны были и состояние дорог и последствия для тягла, коему надлежало проделать от 350 до 400 кил. А расплачиваться за все это опять придется колхозникам. Вот уж воистину: «кому-кому, а куцему всегда вдоль спины!».

Примерно в это же время, когда миллеровцы ехали за хлебом в Вешенскую, а вешенцы везли хлеб в Миллерово, произошел курьезный случай, до некоторой степени характеризующий нравы и повадки высоких людей из края: хлеб, как я уже сказал, «катают» по дорогам, и вдруг в это самое время на имя секретаря Вешенского РК поступает «молния» от члена бюро крайкома т. Филова (он же редактор «Молота», он же особоуполномоченный по севу в Миллеровском, Вешенском и Верхне-Донском районах). «Молния» такого содержания: «Молнируйте Миллерово мое имя состояние дороги тчк Можно ли проехать Вешенский район». Хлеб возить можно, а особоуполномоченному проехать порожнём нельзя... Из РК ответили, что дороги-де плоховаты, в просовах, но ехать можно. Однако Филов, как видно, убоялся дорожных лишений и прибыть не изволил...

Вы пишете, т. Сталин, «сделаем все, что требуется». А я боюсь одного: поручит крайком тому же Филову расследовать вешенские дела (ему уже однажды поручали такое), он и начнет расследовать, руководствуясь принципом: «сильного обходи, да не будешь сам бит». Ведь советовал же

он однажды: «Овчинникова лучше не трогайте». Филов или подобный ему подхалим краевого масштаба ничего «не обнаружит» и не потому, что будет он от природы слеп, а потому, что из опаски не захочет всего видеть. И получится так, что к ответственности будут привлечены только низовые работники, а руководившие ими останутся безнаказанными. Филов, находящийся сейчас в Вешенском районе, так примерно и заявил секретарю Вешенского РК: «По делу об извращении линии партии в Вешенском районе будут привлечены многие работники, а дело об Овчинникове будет выделено ввиду его болезни».

Так же как и продовольственная помощь, необходима посылка в Вешенский и Верхне-Донской районы таких коммунистов, которые расследовали бы все и ПО-НАСТОЯЩЕМУ. Почему бюро крайкома сочло обязательным выносить решения по поводу моей телеграммы о переброске семян, а вот по докладным запискам ответственных инструкторов крайкома и крайКК тт. ДАВЫДОВА и МИНИНА, уехавших из Вешенского района 31 марта и собравших по двум—трем колхозам огромный материал о грубейшем извращении линии партии, об избиениях и пытках, применявшихся к колхозникам, — до настоящего времени нет решения и крайком молчит? Как-то все это неладно. Кроме этого, есть целый ряд вопросов, разрешать которые районные организации не берутся. А все эти вопросы требуют скорейшего разрешения.

1. Из колхозов исключали не только тех колхозников, у которых находили краденый хлеб, но и тех, кто не выполнил контрольного задания по сдаче хлеба. Задания же не выполнило ни одно хозяйство по району. Правильность исключения районными

организациями не контролировалась. По колхозам свирепствовал произвол. Зачастую, пользуясь чисто формальным предлогом (невыполнение контрольного задания), исключали только потому, что необобществленный дом колхозника приглянулся правлению колхоза, или даже потому, что у того или иного колхозника было много картофеля. Исключали, а потом начинали «раскулачивать». Всего по району было исключено около 2000 хозяйств. Сейчас им не дают земли даже для посадки овощей. При таком положении вещей все эти семьи заведомо обречены на голодную смерть. Надо же с ними что-либо делать?

2. Точно так же и с конфискацией имущества и с частичными штрафами: выселяли из домов, забирали коров, овощи, имущество не только у изобличенных в краже колхозного хлеба, но и у тех, которые не выполнили контрольные задания по сдаче хлеба. Оштрафовано было более 25% хозяйство (3350 на 24 января). Тысячами поступают жалобы, т.к. штрафовали и такие хозяйства, которые никогда не занимались сельским хозяйством и не были в поле (плотники, сапожники, портные, печники и пр.). Заявления, поступающие в районные учреждения, отсылаются в сельсоветы, а те взятое некогда имущество размытарили, продукты (овощи преимущественно) либо пораспределили, либо поморозили, перетаскивая из погребов. Разве же сельсоветы будут что-либо возвращать?

3. Нарсуды присуждали на 10 лет не только тех, кто воровал, но и тех, у кого находили хлеб с приусадебной земли, и тех, кто зарывал свой 15% аванс, когда начались массовые обыски и изъятие всякого хлеба. Судьи присуждали, боясь, как бы им не пришили «потворство классовому врагу», а кассационная коллегия крайсуда второпях утверж-

дала. По одному Вешенскому району осуждено за хлеб около 1700 человек. Теперь семьи их выселяют на север.

РО ОГПУ спешно разыскивало контрреволюционеров, для того чтобы стимулировать ход хлебозаготовок, и тоже понахватало немалое количество людей, абсолютно безобидных и в прошлом и в настоящем. Вешенский портной, извечный бедняк, иногородний Коломейцев, был арестован органами ОГПУ и просидел в заключении 4 месяца. Кто-то сообщил, что в 1916 г. Коломейцев пришел в отпуск в Вешенскую, будучи произведенным в офицеры; в доказательство доносивший сообщал, что самолично видел тогда на плечах Коломейцева офицерские погоны... Портной мужественно сидел 4 месяца и отрицал свое причастие к офицерству. Между прочим ссылался и на свою безграмотность, но это не помогало. И сидел, хотя вся станица знала, что офицером он никогда не был. Как-то допросили его более внимательно и только тут установили, что в 1916 г. служил он рядовым в гусарском полку, из этого полка и явился в отпуск в невиданной на Дону форме. Кто-то вспомнил это событие тринадцатилетней давности и, перепутав гусарские погоны с офицерскими, упек Коломейцева в каталажку...

Сейчас очень многое требует к себе более внимательного отношения. А его-то и нет. Ну, пожалуй, хватит утруждать Ваше внимание районными делами, да всего и не перескажешь. После Вашей телеграммы я ожил и воспрянул духом. До этого было очень плохо. Письмо к Вам — единственное, что написал с ноября прошлого года. Для творческой работы последние полгода были вычеркнуты. Зато сейчас буду работать с удесятеренной энергией.

Если продовольственная помощь будет оказана Вешенскому и Верхне-Донскому районам, необходимо ускорить ее, т.к. в ближайшее же время хлеб с пристанских пунктов будет вывезен пароходами и продовольствие придется возить за 165 кил. гужевым транспортом.

Крепко жму Вашу руку.

С приветом *М. Шолохов*.

Ст. Вешенская СКК 16 апреля 1933 г.

Там же, л. 25—29. Подлинник.

6. И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

22 апреля 1933 г.

Молния

Станица Вешенская Вешенского района
Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше второе письмо[24] только что получил. Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов всего сто двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов. Надо было прислать ответ не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени.

Сталин.

22.IV.33 г.

Там же, л. 30. Копия.

7. И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

6 мая 1933 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены[25], как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов[26], которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я *во всем* согласен с Вами. Вы видите *одну* сторону, видите не плохо. Но это только *одна* сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и *другую* сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками.

И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание[27]. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш *И. Сталин.*

6.V.33 г.

АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 549, л. 194. Копия.

8. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

19 июня 1937 г.

Дорогой тов. СТАЛИН!

Приехал в Москву на 3—4 дня. Очень хотел бы Вас увидеть, хоть на 5 минут. Если можно, — примите[28]. Поскребышев[29] знает мой телефон.

М. Шолохов

19.VI. 37 г.

Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 31. Машинописная копия.

9. В. П. СТАВСКИЙ[30] И. В. СТАЛИНУ[31]

16 сентября 1937 г.

Секретно

В ЦК ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ И. В.

В связи с тревожными сообщениями о поведении Михаила ШОЛОХОВА, я побывал у него в станице Вешенской.

Шолохов не поехал в Испанию на Международный конгресс писателей[32]. Он объясняет это «сложностью своего политического положения в Вешенском районе».

М. Шолохов до сих пор не сдал ни IV-й книги «Тихого Дона», ни 2-й книги «Поднятой целины». Он говорит, что обстановка и условия его жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать.

Мне пришлось прочитать 300 страниц на машинке рукописи IV книги «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Натальи Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадежности, лежащей на всех трехстах страницах; в этом мрачном тоне теряется и вспышка патриотизма (против англичан) и гнева против генералов у Григория Мелехова.

М. Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий Мелехов бросает оружие и борьбу.

— Большевиком же его я делать никак не могу.

Какова же Вешенская обстановка у Шолохова? Три месяца тому назад арестован б. секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Луговой — самый близкий политический и личный друг Шолохова. Ранее и позднее арестована группа работников района (б. зав. РайЗО Красюков, б. пред. РИК'а Лыгачев* и другие), — все они обвиняются в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации.

М. Шолохов прямо мне заявил:

— Я не верю в виновность Лугового, и если его осудят, значит и я виноват, и меня осудят. Ведь мы вместе все делали в районе.

Вспоминая о Луговом, — он находил в нем только положительные черты; особенно восхвалял

---

* Так в тексте. Правильно Логачев.

ту страсть, с которой Луговой боролся против врагов народа Шеболдаева, Ларина[33] и их приспешников.

С большим раздражением, граничащим со злобой, говорил М. Шолохов:

— Я еще не знаю, как передо мной обернутся нынешние работники края.

— Приезжал вот 2-й секретарь — Иванов Иван Ульяныч[34], два дня жил, вместе водку пили, разговаривали; как он хорошо говорил. Я уже думал, что он крепче Евдокимова[35], а вот он врагом народа оказался, арестован сейчас!

— Смотри, что делается! Гнали нас с севом, с уборкой, а сами хлеб в Базках гноят. Десятки тысяч пудов гниет под открытым небом!

На другой день я проверил эти слова Шолохова. Действительно, на берегу Дона в Базках лежат (частью попревшие) около 10.000 тонн пшеницы. Только в последние дни (после дождей) был прислан брезент. Вредители из Союзхлеба арестованы.

Озлобленно говорил М. Шолохов о том, что районный работник НКВД следит за ним, собирает всяческие сплетни о нем и о его родных.

В порыве откровенности М. Шолохов сказал:

— Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них становится.

Я воспринял это, как признание о мыслях про самоубийство.

Я в лоб спросил его, — не думал ли ты, что вокруг тебя орудуют враги в районе, и что этим врагам выгодно, чтобы ты не писал? Вот ты не пишешь, — враг, значит, в какой то мере достиг своего!

Шолохов побледнел и замялся. Из дальнейшего разговора со всей очевидностью вытекает, что он допустил уже в последнее время грубые политические ошибки.

— 1) Получив в начале августа письмо (на папиросной бумаге) из ссылки от б. зав. РайЗО Красюкова, он никому его не показал, а вытащил впервые только в разговоре со мной. И то, — как аргумент за Лугового. В письме Красюков писал, что он невиновен, что следствие было неправильное и преступное, и т. д.

На мой вопрос: — снял он копию с этого письма? — Шолохов сказал, что снял, но ни т. Евдокимову, ни в Райком не давал.

— 2) Никакой партработы Шолохов, будучи одним из 7-ми членов Райкома — не ведет, в колхозах не бывает, сидит дома или ездит на охоту, да слушает сообщения «своих» людей.

Колхозники из колхоза им. Шолохова выражали крайнее недовольство тем, что он их забыл, не был уже много месяцев:

— «Чего ему еще не хватает в жизни? Дом — дворец двухэтажный, батрак, батрачка, автомобиль, две лошади, коровы, стая собак, а все ворчит, сидит дома у себя».

— 3) На краевой конференции Шолохов был выбран в Секретариат, и ни разу не зашел туда.

В крае (Ростов Дон) к Шолохову отношение крайне настороженное.

Тов. Евдокимов сказал:

— Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим! —

Вместе с тем тов. Евдокимов также и добавил:

— Если б это был не Шолохов с его именем, — он давно бы у нас был арестован.

Тов. Евдокимов, которому я все рассказал о своей беседе с Шолоховым — сказал, что Луговой до сих пор не сознался, несмотря на явные факты вредительства и многочисленные показания на него.

На качество следствия обращено внимание краевого Управления НКВД.

Очевидно, что враги, действовавшие в районе — прятались за спину Шолохова, играли на его самолюбии (бюро райкома не раз заседало дома у Шолохова), пытаются и сейчас использовать его, как ходатая и защитника своего.

Лучше всего было бы для Шолохова (на которого и сейчас влияет его жены родня, — от нее прямо несет контрреволюцией) — уехать из станицы в промышленный центр, но он решительно против этого, и я был бессилен его убедить в этом.

Шолохов решительно, категорически заявил, что никаких разногласий с политикой партии и правительства у него нет, но дело Лугового вызывает у него большие сомнения в действиях местных властей.

Жалуясь, что он не может писать, — М. Шолохов почему-то нашел нужным упомянуть, что вот он послал за границу куски IV книги, но они были задержаны в Москве (Главлитом), и из заграницы к нему пришли запросы: — где рукопись? Не случилось ли чего?

Шолохов признал и обещал исправить свои ошибки и в отношении письма Красюкова и в отношении общественно-партийной работы. Он сказал, что ему стало легче после беседы.

Мы условились, что он будет чаще писать и приедет в ближайшее время в Москву.

Но основное — его метание, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения, и об этом я и сообщаю.

С комм. приветом *Вл. Ставский*

16.IX. 37 г.

Там же, л. 32—36. Заверенная копия.

10. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

5 октября 1937 г.

Дорогой тов. СТАЛИН!

т. Ежов[36], наверное сообщил Вам об исходе вешенского дела. Он говорил вчера, что сегодня будет ставить на ЦК[37] вопрос об освобождении Лугового и Красюкова.

То, что я пережил за эти 10 месяцев дает мне право просить Вас, чтобы Вы разрешили мне видеть Вас на несколько минут после того, как т. Ежов сообщит о вешенском деле, или в любое другое время, которое Вы сочтете удобным.

Имею к Вам лично, к ЦК просьбу.

Прошу сообщить через Поскребышева, он знает мой телефон.

Москва. *Шолохов*

5.10. 37 г.

Там же л. 37. Автограф.

11. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ*

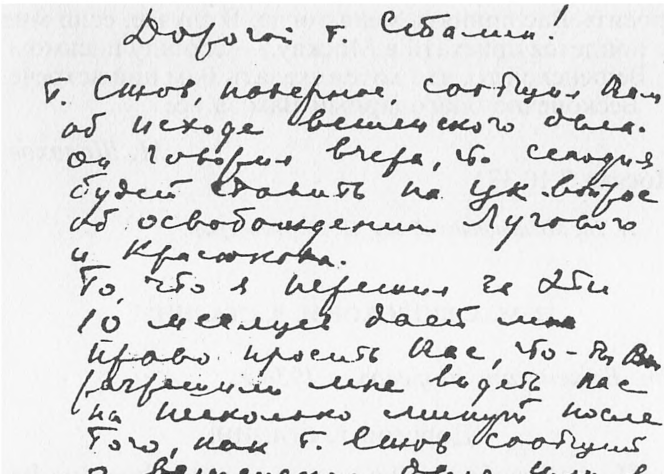
7 октября 1937 г.

Дорогой тов. СТАЛИН!

Крайняя необходимость заставляет меня сегодня выехать домой. В двадцатых числах этого месяца, в связи с постановкой «Поднятой целины» в Большом театре[38] я, наверное, снова приеду в Москву и буду

---

* На машинописном экземпляре письма написано: «Мой арх[ив]. Ст.».

Дорогой т. Сталин!
Т. Ежов, наверное, сообщил Вам
об исходе вешенского дела.
Он говорил вчера, что сегодня
будет ставить на ЦК вопрос
об освобождении Лугового
и Красюкова.
То, что я перенес за эти
10 месяцев дает мне
право просить Вас, что-бы Вы
разрешили мне видеть Вас
на несколько минут после
того, как т. Ежов сообщит
о вешенском деле, или в
любое другое время, которое
Вы сочтете удобным.
Имею к Вам личную, к ЦК
просьбу.
Прошу сообщить через Поскре-
бышева, он знает мой телеф.
5.10.37.
Москва
М. Шолохов.

Письмо М. Шолохова И. Сталину от 5 октября 1937 г.

просить Вас принять меня тогда. В случае, если мне не придется приехать в Москву, — сообщу письмом* из Вешенской то, что хотел сказать Вам при встрече.

Бесконечно благодарный Вам за все.

М. Шолохов.

Москва 7.10.37.

Л. 38. Машинописный экз. Л. 39. Автограф.

12. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ**

Ст. Вешенская, 16 февраля 1938 г.

Дорогой т. СТАЛИН!

После освобождения из-под ареста секретаря Вешенского РК ВКП(б) Лугового, председателя РИК'а Логачева и уполномоченного КомЗагСНК Красюкова бюро Ростовского обкома партии приняло решение о возвращении Лугового и других на прежнюю работу. В этом решении было записано следующее: «...Материалами следствия установлено, что т. т. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками к[онтр]-р[еволюционных] правотроцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях»***.

Эта формулировка неверна по существу и

---

* См. письмо М. Шолохова от 16 февраля 1938 г. (Документ № 12).

** На документе рукой А. Поскребышева написано: «От т. Шолохова». Резолюция И. Сталина: «Т.Ежову». На полях и по тексту документа имеются многочисленные пометки и подчеркивания красным, зеленым и простым карандашами, сделанные А. Поскребышевым и Н. Ежовым.

*** См. примечание 37 к документу № 10.

придумана для того, чтобы замести следы вражеской работы. Чего проще: оклеветали вешенских коммунистов враги, на то они и враги, чтобы клеветать; оклеветанные реабилитированы; заблуждение, в коем пребывали Ростовский обком и обл. УНКВД, рассеяно решением ЦК. А на самом деле было все это иначе. Обком (враги бывшие в нем и находящиеся сейчас) создали на Лугового и остальных дело, заведомо зная, что Луговой и остальные непричастны к вражеской работе, враги исключили их из партии, а враги сидящие в органах НКВД Ростовской области заставили других арестованных дать на Лугового, Логачева, Красюкова ложные показания. И не только некоторых арестованных заставили клеветать, но пытались всеми мерами и способами добиться таких же ложных показаний и от самих Лугового, Логачева и Красюкова. В какой-то мере они преуспели и здесь: сломленный пытками Логачев дал ложные показания на многих честных коммунистов, в том числе и на меня, и даже самого себя оговорил. Логачев, которого как и остальных арестованных, буквально истязали в Новочеркасской тюрьме (к методам следствия и допроса, практиковавшимся в Азово-Черноморье, я вернусь в конце письма), дал именно те показания, какие от него вымогали.

В обкоме и в областном УНКВД была и еще осталась недобитой мощная, сплоченная и дьявольски законспирированная группа врагов всех рангов, ставившая себе целью разгром большевистских кадров по краю. Она — эта группа — многого достигла, особенно в северных районах края, где основательно поработал враг народа Лукин со своими помощниками. Вешенское дело — прямое этому доказательство. Но Луговой и остальные вешенцы благо-

даря Вашему вмешательству освобождены, а сотни других коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылке.

Пора распутать этот клубок окончательно, т. Сталин! Не может быть такого положения, когда, к примеру, Луговой освобожден и восстановлен в партии, а те, кто арестован и осужден «за связь с врагом народа Луговым» все еще страдают и несут незаслуженное наказание. Не должны остаться безнаказанными те, которые сознательно сажали честных коммунистов. Но пока положение остается прежним: невиновные сидят, виновные здравствуют и никто не думает привлекать их к ответственности.

За две встречи с Вами[39] я не смог последовательно и связно рассказать обо всем, что творилось раньше в крае и что происходит в настоящее время. Разрешите сейчас рассказать обо всем этом.

Вы знаете, т. Сталин, что группа вешенских коммунистов стяжала себе плохую славу у Шеболдаева и его окружения. Только теперь стала ясна причина вооружавшая Шеболдаева на борьбу с нами: мы мешали ему вредить, он мешал нам честно работать. Шеболдаев неоднократно имел возможность убедиться в том, что я не побоюсь при любых обстоятельствах довести до сведения ЦК о его неправильных действиях. Ему это, вероятно, надоело, и он решил избавиться от вешенцев. Безо всяких причин он неоднократно ставил вопрос о снятии Лугового, обвинял его в троцкизме и не раз предлагал исключить из партии. Честных коммунистов, работавших в Вешенском р-не, под разными предлогами переводил из р-на, а взамен их присылал своих людей, которые делали все возможное, чтобы срывать работу и ставить под удар руководство р-на.

Эти люди с первых же дней приезда в р-он

заводили склоки, группировались и всеми способами выживали из р-на тех, кто поддерживал Лугового, РК. Не было такой низости, на которую не шли бы эти шеболдаевские опричники. Началась эта скрытая война давно, но особенно разгорелась после разбора в ЦК действий Овчинникова*. Через месяц после решения ЦК, когда Овчинникову за перегибы был записан строгий выговор, на краевой партконференции Шеболдаев выдвинул Овчинникова кандидатом в члены бюро крайкома. Луговой выступил с отводом. На собрание Северо-Донской делегации пришли Шеболдаев, Ларин, Ароцкер и остальные члены бюро крайкома и стали давить на делегацию, что бы та голосовала за Овчинникова и его помощника по перегибам Шарапова. Луговой снова выступил с возражением; его поддержало большинство делегатов Северного Дона и кандидатуры Овчинникова и Шарапова были провалены.

Тотчас же после конференции Шеболдаев, придравшись к какому-то пустяку, ставит вопрос о снятии Лугового. ЦК не утвердил это решение крайкома. После этого подручные Шеболдаева по Вешенскому р-ну — нач. РО НКВД Меньшиков (арестован в прошлом году, немецкий шпион), и второй секретарь РК Киселев развернули такую работенку, что дышать стало нечем... В крайком, в ЦК посыпались клеветнические заявления на Лугового, меня и других коммунистов, боровшихся с вражеским руководством крайкома. Не было ни одного бюро РК, где бы мы не сталкивались с прямым и скрытым противодействием шеболдаевцев. По любому вопросу возникали разногласия, и, особенно, по вопросам исправления наделанных Овчинниковым перегибов.

---

* См. прим. №27.

Шеболдаев вдруг начал проявлять исключительную заботу о моей писательской будущности. При каждой встрече он осторожно, но настойчиво говорил, что мне необходимо перейти на другую тематику; необходимо влиться в гущу рабочего класса, писать о нем, т. к. крестьянско-казачья тематика исчерпана, и партии нужны произведения отражающие жизнь и устремления рабочего класса. Он усиленно советовал мне переехать в какой-либо крупный промышленный центр, даже свое содействие и помощь при переезде обещал. Очень тонко намекал на то обстоятельство, что я, в ущерб своей писательской деятельности, занимаюсь не тем, чем мне надлежало бы заниматься, словом, — уговаривал...

Шеболдаев советовал переменить местожительство, ближайшие соратники его не таясь говорили, что Шолохов — кулацкий писатель и идеолог контрреволюционного казачества, вешенские шеболдаевцы каждое мое выступление в защиту несправедливо обиженного колхозника истолковывали как защиту кулацких интересов, а нач. РО НКВД Меньшико́в, используя исключенного из партии в 1929 г. троцкиста Еланкина, завел на меня дело в похищении у Еланкина... «Тихого Дона»[40]. Брали, что называется, и мытьем и катаньем!

После того, ка́к в 1934 г. я рассказал Вам, т. Сталин[41], о положении в колхозах Северного Дона, о нежелании крайкома исправлять последствия допущенных в 1932—33 г.г. перегибов, после решения ЦК об оказании помощи колхозам Северо-Донского округа, — Меньшиков, Киселев и др. окончательно распоясались. Меньшиков установил систему подслушивания телефонных разговоров, происходивших между мною и Луговым, завел почти неприкрытую слежку за нами; вкупе с Киселевым и

др. они стали на бюро РК открыто срывать любое хозяйственное или политическое предложение, исходившее от Лугового или меня. Работать стало невозможно. Это побудило нас довести до сведения крайкома о создавшейся обстановке в р-не.

Будучи в Ростове, мы с Луговым сообщили Шеболдаеву обо всех фактах деятельности Меньшикова, Киселева и их подручных. При разговоре присутствовали Малинов и Ларин. Я сказал, что работать в таких условиях страшно трудно, время тратится черт знает на что, вместо творческой и партийной работы, под конец заявил, что я не преступник и жить под гласным надзором не хочу. Шеболдаев ответил, что Меньшикова и Киселева из Вешенской переведут, но тут же добавил:

— Вторым секретарем пошлем к вам Цейтлина (арестован еще в 1936 г.). Луговому не хватает политической грамотности, а Цейтлин — парень грамотный. И начальника НКВД пошлем стóящего. — Помолчал и, улыбаясь, добавил: — А все-таки посматривать мы за вами будем... Я ставил перед ЦК вопрос о снятии Лугового за то, что он тянул с ликвидацией пригородного х[озяй]ства, но ЦК не утвердил это решение. Что ж, ЦК виднее... Но все равно, Луговой, с Вешенской придется тебе расставаться... Не уживемся мы вместе. Ты гнешь какую-то свою линию. Думаешь, что все тебе будет сходить безнаказанно? Не выйдет!

Вскоре после этого Меньшикова перевели не куда-нибудь в район, а с повышением, в Сочи. Убрали и Киселева. На место их приехал вторым секретарем Чекалин и нач. РО НКВД Тимченко.

Уехали мы из Ростова подавленые. По всему было видно, что Шеболдаев начнет жать нас снова и еще с большей силой. Луговой тогда же предложил написать Вам обо всех этих делах. Я от-

говорил его от этой мысли. «С Шеболдаевым нам детей не крестить. Будем драться с ним по принципиальным вопросам, а жаловаться на то, что он к нам плохо относится, — нехорошо, по ребячески это будет выглядеть».

Вот так и жили. Грустно и тошно писать обо всех методах, при помощи которых разрушали колхозы и изо дня в день травили нас. В Ростове по всем линиям вредительски планировали х[озяй]ство р[айо]на. Можете судить по следующему соотношению сил:

В 1934—35 г.г.

В соседнем Верхне-Донском р-не:

Посевная площадь	23 000 га
Тракторов колесных	100.
гусеничных	5.

В Вешенском р-не:

Посевная площадь	34 000 га
Тракторов колесных	66.
гусеничных	6.

В 1937—38 г.г.

Базковская МТС соседнего р-на.

Посевная площадь	14 000 га
Тракторов колесных	56.
гусеничных	16.

Колундаевская МТС Вешенского р-на

Посевная площадь	18 000 га
Тракторов колесных	66.
гусеничных	9.

Даже в самом Вешенском р-не по двум МТС так расставлены механизированные силы, что при одном взгляде на соотношение этих сил видна злая рука.

Дударевская МТС.

Посевная площадь	16 000 га
Тракторов колесных	38.
гусеничных	7.

Колундаевская МТС.

Посевная площадь	18 000 га
Тракторов колесных	66.
гусеничных	9.

Остальным р-нам — запасные части, наши продают в Миллерово; из года в год заставляли бесцельно перебрасывать зимой семенное зерно, нарочито выводя из строя к весне рабочий скот; планировали посевную площадь р-ну с таким расчетом, чтобы с севом невозможно было уложиться в срок, а потом распинали за это в решениях и т. д.

Такую же линию вел и округ. Да и как могло быть иным отношение к вешенцам окружкома, когда руководители округом такие враги как Лукин, Муравкин, Базарник, Касилов и пр. Они дополняли разрушительную работу нападками на Лугового, на остальных, кого выживали из р-на. Купил Луговой в колхозе центнер картофеля, — в КПК создается дело под громким названием «самоснабжение». И тянется это нудное дело месяцами; спросы, допросы, наезды следователей, а стоимость картофеля 5 руб. 50 коп., и колхоз продавал этот картофель всем, кому угодно. Окружком всячески отстранял Лугового от работы. По всем вопросам сносились со вторым секретарем Чекалиным, причем устано-

вили довольно необычный способ сношений: работники окружкома, приезжая в Вешенскую, тайком пробирались к Чекалину на квартиру, говорили с ним о партийных делах и, не зайдя в РК, уезжали, а мы — члены РК — узнавали о целях приездов из уст Чекалина, иногда и вовсе не узнавали. Окружком печатно шельмовал нас, обвиняя — ни много ни мало — в скрытии от колхозников Сталинской Конституции. Повод для этого страшного обвинения? В двух тракторных бригадах за полторы недели после опубликования проекта Конституции не успели проработать проект. И дальше все в таком же роде.

В районе трое членов бюро РК (Чекалин — второй секретарь РК, Тимченко — нач. РО НКВД, Виделин — редактор районной газеты) — в открытую заявлявшие о том, что они присланы крайкомом, чтобы присматривать за нами, — группировали вокруг себя недовольные элементы партийной организации, отрывали их от РК, сеяли слухи, что Луговой со дня на день будет снят крайкомом, что он — враг и т. п. И в то же время наружно не показывали вида, что они враждебно настроены. Чекалин чуть ли не ежедневно строчил на Лугового кляузы, а в глаза говорил, что необходимо работать дружнее, быть ближе друг к другу, больше доверять, словом, вел типично двурушническую политику. Знали ли мы об этом? Безусловно знали. Знали и молчали потому, что были убеждены в том, что если потребовать смены этих людей, — пришлют таких же. В этом, после снятия Киселева и Меньшикова, мы имели возможность убедиться. Тройка шеболдаевских порученцев, ведя безпринципную борьбу с нами, не брезговали ничем. Летом 1936 г. они стали посылать на мое имя и на имя моей жены гнусные анонимки, порочащие меня как коммуниста и человека. Как-то я сказал об этом, и Тимченко,

улыбаясь, предложил свои услуги, чтобы расследовать это дело и найти автора письмишек. Я отказался от его услуг, будучи твердо убежденным, что именно он является автором этих нечистоплотных произведений. Тимченко неоднократно заявлял мне, что на меня казачьи к[онтр]-р[еволюционной] организации готовят покушение. Будто бы один офицер-репатриант был арестован им около моего дома, при обыске у него было найдено оружие и он на предварительном допросе заявил, что прибыл в Вешенскую с целью убить меня. Однажды, будучи пьяным, Тимченко сказал, что кто-то меня выслеживал на охоте и что покушавшийся побоялся стрелять в меня, так как узнал, что в случае промаха будет убит мною. «Он знал, что вы здорово стреляете и побоялся рискнуть», — закончил он. На следующий день, когда я, желая уточнить тимченковскую информацию, спросил у него, кто выслеживал меня и арестован ли он? — Тимченко, глазом не моргнув, ответил: — «Ничего подобного я вам не говорил. Вы меня не так поняли».

Отношения наши к тому времени настолько определились, что когда Тимченко попросил сообщать ему, куда я еду, якобы для того, чтобы принимать какие-то меры охраны, я, смеясь, ответил поговоркой: «Избавь боже от таких друзей, а с врагами сам управлюсь». Что уж тут было в кулак шептать...

Край, округ, станица, — вот откуда жали на нас. Но не думайте, что мы были уж такие бедные-несчастные. Мы знали, что если дело дойдет до серьезного, то Вы нас в трату не дадите. На Вас, т. Сталин, на ЦК была надежда. Была, есть и будет. А если б этой надежды не было, да разве можно было бы года жить под таким чортовым прессом?

С 1936 г. дело пошло быстрее. Подвернулся слу-

чай расчитаться с нами простым и безопасным способом — началось по краю выкорчевыванье врагов. Случаем этим не преминули воспользоваться. В Кашарском р-не органами НКВД была вскрыта эсеровская организация. Изъятие проводил в числе других работников НКВД наш уполномоченный НКВД Тимченко. В слободе Н.-Греково арестовали учителя Иванкова. Родом из этой слободы был Красюков П. А. — член бюро Вешенского РК, мой товарищ, однажды уже сидевший в тюрьме по милости врага народа Овчинникова.

Тимченко и Сперанский — нач. Миллеровского окружного отдела НКВД — в прошлом сиятельный дворянин и поручик царской армии — выжали из Иванкова показания о причастности Красюкова к эсеровской организации. Одного этого показания было достаточно: Красюкова арестовали 23 ноября 1936 г.

Красюков 16-летним мальчишкой ушел добровольцем в Красную армию, с 1920 г. был секретарем комсомольской ячейки, сам рождения 1903 г. Иванкова видел всего несколько раз. Происхождением из бедняцкой семьи. Но кому все это было нужно? Кого интересовало прошлое Красюкова? Надо было арестовать одного из вешенцев, нашелся благовидный предлог, и арестовали. Расчет был простой: вырвать у Красюкова ложные показания на всех вешенцев, а тогда уж добраться и до остальных, на основе этих показаний.

Надо ли говорить о том, что арест Красюкова оставшиеся 6 членов бюро Вешенского РК расценили по разному. Луговой, Логачев и я, зная Красюкова как исключительно честного, преданного делу партии коммуниста, считали, что арест его — либо плод недоразумения, либо результат нечестных действий Тимченко, у которого с Красюковым были

плохие отношения, либо, попросту, начало открытого похода против нас.

Луговой, Логачев и я голосовали против исключения Красюкова из партии, считая необходимым выждать до получения из крайкома материалов, которые послужили причиной ареста; остальные трое — Чекалин, Тимченко и Виделин — голосовали за исключение.

На районном партийном собрании подавляющее большинство коммунистов, знавших Красюкова на протяжении ряда лет совместной работы в р-не, голосовало против исключения, т. к. причины таинственного ареста никому не были известны и РК не мог дать объяснений по этому поводу. (Из 104 членов партии голосовало против исключения 91).

Собрание поручило РК выяснить в крайкоме причину ареста Красюкова и после этого снова обсудить вопрос о Красюкове.

В январе прибыл в Ростов Евдокимов. Мы были крепко обрадованы его назначением. Думалось, что дела в крае пойдут по настоящему и отношение к нам станет иное. Расчитывали и на то, что он заинтересуется делом Красюкова и со всем разберется. Но Евдокимов с первых же дней приезда недвусмысленно дал понять нам, что мы остаемся на прежнем положении, и что борьба не кончена. На пленуме крайкома в январе выступал Луговой. Он говорил об ошибках старого руководства крайкома, приводил факты и, рассказывая о том, как краевое руководство безобразно руководило хозяйством, вскольззь сказал: — «Мы — вешенцы — всегда были в опале у товарища Шеболдаева».

Евдокимов с необъяснимой злобой всенародно обрушился на Лугового и начал орать: «— Что ты мне болтаешь о какой-то опале! Вы в Вешенской богему создали! Шолохов у вас — альфа и омега!

Камень себе поставьте и молитесь на него! Пусть Шолохов книжки пишет, а политикой мы будем заниматься без него!» и пр. в этом же роде.

В феврале ко мне пришел директор Грачевской МТС соседнего Базковского р-на Корешков, ранее работавший в Вешенской на должности зав. райзо. Он рассказал следующее: его вызвал к себе нач. Миллеровского окр. отдела НКВД Сперанский, продержал на допросе 14 часов, а под конец заявил: «— Ты служил в белой армии и скрыл это при вступлении в партию. Будучи в белых, ты расстреливал красноармейцев. У нас на тебя имеется вот какое дело, — и показал огромную папку. — Посадить тебя мы можем в любой момент. Но пока мы этого не думаем делать. Все зависит от тебя. Ты нам нужен. Ты в дружеских отношениях со Слабченко, с Луговым, с Шолоховым. Пока ты нам должен материал на Слабченко, как на троцкиста. Ты нам должен помочь размотать его. Поезжай к нему в совхоз*, пей с ним водку, и добывай материал, как на троцкиста. Иначе тебе будет плохо. Пойми, что ты в наших руках. И сейчас я с тобой разговариваю по мирному, а вот когда сядешь к нам в подвал, — тогда разговаривать будем по иному...» Тут же Сперанский предупредил Корешкова, что если он кому-либо скажет об этом разговоре, то его не только арестуют, но и немедленно расстреляют.

Корешков спросил у меня: — «Что мне делать?»

Я посоветовал ему написать т. Ежову о том, что Сперанский провоцирует его и понуждает под угрозой ареста давать лживые материалы на Слабченко.

---

* Слабченко работал директором свиносовхоза «Красный колос» Кашарского р-на. В 1930—1931 гг. работал в Вешенской. — *Прим. авт.*

Ездил ли Корешков к Слабченко, или нет я не знаю. Но в марте Слабченко был арестован по распоряжению Сперанского. А некоторое время спустя арестовали и Корешкова.

Узнав, что Красюков арестован как враг народа, два м[еся]ца спустя после его ареста, мы исключили его из партии.

В апреле в Вешенскую приехал Евдокимов. На закрытом бюро РК мы выложили ему наши разногласия с группой Чекалина. Евдокимов обвинил нас в прямой защите врага народа Красюкова, заявил, что Красюков — матерый враг, что мы совершили тяжкое партийное преступление, не исключая Красюкова из партии на протяжении 2½ м-цев, и взял Чекалина и остальных под свою прямую защиту. За то, что Луговой назвал на партсобрании Чекалина «шеболдаевцем», Евдокимов жестоко обрушился на Лугового: «Кто дал тебе право делать имя Шеболдаева нарицательным?!» В своем заключительном слове Евдокимов намекнул, что Лугового и Логачева надо проверить, и что из Вешенской их надо убрать.

После его отъезда Чекалин, Тимченко, Виделин стали открыто саботировать сев. Они почти не были в поле. Чекалин безвылазно сидел в РК и занимался собиранием на Лугового материалов, Тимченко прямо отказался ехать на посевную, ссылаясь на занятость, Виделин уехал в Ростов в «командировку» и без разрешения РК прожил там 2 недели, по сути бездельничая. Чекалин и Тимченко открыто говорили коммунистам: «— Дни Лугового и Логачева сочтены. Сев проваливается. Теперь Луговой — и без этого рябой — порябеет еще больше».

Руководство севом легло полностью на Лугового и Логачева. И они буквально вдвоем вытащили сев. Неделями не бывая дома, ночуя прямо на боро-

зде, недоедая и недосыпая, они не отходили от тракторов, вместе с техниками и трактористами чинили поломки; не бросали наиболее слабых участков до тех пор, пока положение там не выправлялось, словом, работали так, как этого требовало положение.

Но Чекалин и Тимченко оказались правы в одном: дни Лугового и Логачева были сочтены. В мае бюро крайкома сняло их с работы и поручило Шацкому «просветить» их («Просветить» — модный в то время глагол от слова «просвечиванье»). Основной причиной снятия было промедление с исключением из партии Красюкова. Голосовали все за снятие весьма единодушно. Но тогда и состав бюро был на редкость сплоченный по вражеской работе: Ларин, Иванов (курский), Семякин, Шацкий, Шестова, Лукин и др. Все они, за исключением Евдокимова и Люшкова, сейчас сидят.

На бюро Евдокимов снова обрушился на нас, еще раз повторил под гул возмущения, возникший среди присутствовавших на заседании членов бюро и чл[енов] крайкома, что нам никто не давал права называть Чекалина «шеболдаевцем», а Тимченко «рудевцем» (Рудь — б. нач. краевого УНКВД — враг народа), и в заключение сказал: «— т. Люшков в целях внесения ясности в дело Красюкова сообщит бюро, что из себя представляет Красюков».

Люшков встал и заявил: «— Красюков — крупная фигура в к[онтр]-р[еволюционных] делах на Дону. Он белобородовский эмиссар[42], служил связующим звеном между эсерами, троцкистами и донской контр-революцией. Об этом свидетельствуют материалы следствия, показания самого Красюкова».

«— Вот кого вы защищали!» — патетически воскликнул Евдокимов, обращаясь к Луговому, Логачеву, ко мне.

Разыграно все это было, как по нотам.

В связи с этим сейчас мне хочется сказать несколько слов о Люшкове. Все, что говорил на тогдашнем заседании бюро Люшков ни в малейшей мере не соответствует действительности. Никогда Красюков не был членом эсеровской организации, ничего общего не имел, никогда даже в глаза не видел Белобородова, со дня ареста и до освобождения не давал никаких показаний. Люшков говорил безответственно. Либо он был введен в заблуждение работниками своего аппарата, либо сознательно клеветал на Красюкова, в надежде, что задним числом от Красюкова удастся получить показания подтверждающие его виновность.

6 июня Евдокимов т[елеграм]мой вызвал Лугового и Логачева в Ростов. «Просвечиванье» заключалось в том, что, вызвав Лугового и Логачева по очереди в кабинет, Шацкий приказал находившемуся у него работнику НКВД обыскать их, а потом сказал: «— Отправляйтесь в НКВД. Дело ясное...»

11 июня на краевой партконференции Шацкий сказал мне: — «Сидят твои друзья, Шолохов. Показания на них сыпят вовсю! Но по Вешенской это — только начало... Там будут интересные дела. Вешенская еще прогремит на всю страну!» Я ответил ему, что арест Лугового и Логачева ошибка, но вернее всего, — действия врагов. Шацкий, смеясь, спросил: — «Это не в мой ли огород камешек? Слушай, не выйдет! Я проверен. Можешь судить уж по одному тому, что меня брал к себе на ответственную работу Н. И. Ежов, и Евдокимов с огромным трудом выпросил меня у ЦК».

Как я Вам уже говорил при встрече, я неоднократно просил Евдокимова проверить дело Лугового, Логачева, Красюкова. Он отвечал, что поручит проверить Люшкову, после отъезда Люшкова обе-

щал поручить Когану, а потом Дейчу. Попросту он не хотел чтобы это дело разобрали. Проверять пришлось т. Ежову. В связи с этим у меня возникает еще один вопрос: почему т. Ежов сумел буквально в пару дней разобраться и установить абсолютную невиновность Лугового и остальных двух товарищей и почему этого не смогли сделать в Ростове? Мне думается, что не сделали этого потому, что не захотели сделать.

Тем временем по краю начались аресты коммунистов ранее работавших в Вешенской и хорошо относившихся к Луговому. В Морозовском р-не за связь с Луговым был арестован пред. Морозовского РИК'а Лимарев, работавший с Луговым в Вешенском РК заворгом, арестовали Каплеева, работавшего когда-то в Вешенском районе в Заготзерно, и еще раньше арестовали пред. Базковского РИК'а Шевченко, ранее работавшего в Вешенской зам. пред РИК'а.

Новый секретарь Вешенского РК Капустин, которого по словам Шацкого лично Евдокимов выбрал для Вешенской из 15 просмотренных им секретарей РК, развернул при посредстве Чекалина и Тимченко работу по «искоренению коммунистов связанных с Луговым и Логачевым». За четыре м-ца по Вешенскому району было исключено из партии и арестовано под разными предлогами 18 членов партии и 16 комсомольцев.

В конце июля член партии, красный партизан в прошлом, Тютькин И. при встрече, волнуясь, сообщил мне, что его сын Тютькин А. работающий секретарем Вешенского РО НКВД слышал, как Тимченко, допрашивая арестованного казака — участника окружного казачьего хора, созданного врагами народа Касиловым и Лукиным, вынуждал арестованного дать показания на меня, будто бы я уговаривал этого казака совершить покушение на

пров[ерить]

кого-либо из членов правительства при поездке хора в Москву. Я имел неосторожность сообщить об этом возмутительном случае секретарю РК Капустину. Ровно через два дня после моего разговора с Капустиным Тютькин А. был арестован, как враг народа. До сих пор содержится в Миллеровской тюрьме.*

Через некоторое время Тимченко заявил мне, что ему придется арестовать Шолохова В. — моего родственника, комсомольца с 1924 г., работавшего директором Еланской средней школы. На мой вопрос, — что сделал Шолохов В. преступного? — Тимченко ответил: «— На него у меня имеется целая куча материалов». Я попросил ознакомить меня с этими материалами. Тимченко показал мне несколько листов перепечатанных на машинке. Это обвинительное заключение содержало в себе самый чудовищный вымысел, дикую нелепицу, чепуху. Еланская школа единственная из школ б. Азово-Черноморского края получила в 1934 г. всесоюзную премию в 10.000 руб. за образцовую постановку работы, а по материалам Тимченко значилось, что школа развалена, что все там враги и пр. Против Шолохова В. выдвигались обвинения в том, что он сознательно разваливал школу, вел вражескую работу среди учеников и учителей, вредил в пришкольном х-стве и т. д. Я обратился по этому вопросу к Капустину. Тот сказал, что он имеет на Шолохова В. материалы подтверждающие его вражескую деятельность. В качестве доказательств привел следующее: 1) в школе насаждались религиозные настроения среди учащихся, ученики читали библию, 2) Шолохов В. вредительски вырубил на пришколь-

* Здесь и далее отчеркнуто и написано на полях Н. Ежовым. — *Ред.*

ной усадьбе 10 000 корней плодовых саженцев, 3) Шолохов систематически разваливал учебную работу, 4) Будучи учителем истории, Шолохов В. преподавал ее с троцкистских позиций.

По решению РК была создана комиссия, в которую Капустин и Тимченко сознательно ввели своих единомышленников и, несмотря на то, что при проверке оказалось: 1) ученики читали не библию, а рассматривали на дому иллюстрированный журнал «Пробуждение» изд. 1913 г., в котором были фоторепродукции на евангельские темы (картина «Камо грядеши» и др.). 2) Учичтожить 10 000 плодовых саженцев Шолохов никак не мог, т. к. пришкольный сад занимал площадь всего-навсего в ...полгектара и было там плодовых деревьев только 65 корней, которые целы до сих пор, 3) Доказать, что Шолохов разваливал учебную работу ничем было нельзя, потому, что это противоречило истине, 4) Точно так же не преподавал истории с троцкистских позиций; несмотря на все это комиссия, извратив факты и пойдя на явный подлог, сочла возможным сделать следующие выводы: «...Шолохова с работы снять, дело о нем передать следственным органам НКВД».

проверить

Я резко протестовал против такого расследования. Капустин колебнулся и решил не брать на себя ответственности. Он т[елеграм]мой попросил Шестову прислать из крайоно комиссию. На заседании бюро РК ВЛКСМ при участии Капустина Шолохова исключили из комсомола, на заседании бюро РК ВКП(б) решили Шолохова снять с должности директора школы. Шестова не замедлила прислать двух работников крайоно, которые обследовали только состояние учебной работы в школе и, в основном, опирались на решение первой комиссии, созданной РК.

Арестовать Шолохова В. не удалось, но Тимчен-

ко деятельно продолжал собирать на него материалы, используя свою осведомительную сетку и всех, кто по тем или иным причинам имел на Шолохова зуб. Одновременно начали дело и против другого моего родственника, работавшего в начальной школе х[утора] Черновского зав. школой.

На все это дело проливает яркий свет бумажка, присланная Шацким на имя Капустина и чудом сохранившаяся в делах РК. «Совершенно секретно. Лично т. Капустину. №15308. На заседании РК 5 августа разбиралось дело Еланской школы. Несмотря на то, что обличительных материалов было более чем достаточно вы приняли по отношению Шолохова В. необъяснимо мягкое решение, в то время, как его надо было привлечь к строжайшей ответственности. Немедленно дайте объяснение, чем это вызвано? Шацкий».

И Шацкому и остальным надо было после ареста Лугового, Логачева и др. арестовать моих родственников, чтобы показать, что мое окружение — политическое и родственное — было вражеское, чтобы насильственно вырвать у арестованных ложные показания на меня, а потом уж, приклеив мне ярлык «врага народа», отправить и меня в тюрьму.

Тимченко не удалось завершить свою работу до конца. Еще весной, когда в Вешенскую приезжал Евдокимов, вопрос о его снятии был предрешен. Уж больно сильно он был скомпрометирован и нечисто работал... Тогда же Евдокимов сказал, что в Вешенскую пришлют Кравченко — нач. РО НКВД из соседнего Базковского р-на. Кравченко работал в этих р-нах лет 8 и издавна славился, как непревзойденный мастер по созданию дутых дел. В апреле Евдокимов наметил его нам, но перевели его в сентябре. И он активно принялся за довершение того, что не успел и не сумел сделать его предшественник Тимченко.

После ареста Лугового Капустин начал громить парторганизацию. По Дударевской МТС из 11 пред. колхозов было снято 9. Значительная часть их арестована, осуждена. Из 92 членов район. парторганизации было исключено 18. Причем исключено явно неправильно. Арестовали директора Колундаевской МТС Гребенникова, как врага народа. А этот «враг» — ставропольский крестьянин бедняк в прошлом, красный партизан, награжденный за боевые отличия серебряным оружием, был и, наверняка, остался безусловно преданным партии человеком. На 64 члена партии были заведены дела. Большинство их должно было подвергнуться исключению из партии.

проверить

По заведомо ложному делу исключили из партии б[ывшего] управделами РК Худомясова. Осужден на 10 лет. Арестованы и сосланы на разные сроки б[ывшие] члены партии Дударев, Кривошлыков, Боков и др.

проверить

Красюков, с арестом которого начался открытый поход против вешенцев, был отправлен через Миллерово в Ростов, во внутреннюю тюрьму УНКВД. 23/11-36 г. его арестовали, с 25/11 начались допросы. На первом же допросе продержали 4 суток подряд. В течение 96 часов ему дали поесть два раза. Не спал он за это время ни минуты.

О чем спрашивали сменявшиеся по очереди следователи — лейтенанты Топильский, Марков и сержант Бобров? Заставляли показывать на «троцкиста» Слабченко, на Корешкова, вымогали показания о вражеской работе, которую Красюков, якобы, вел. С января 1937 г. начали допрашивать обо мне, о Луговом, о Логачеве. Через короткие передышки, измерявшиеся часами, снова вызывали на допрос и держали в кабинете следователя по 3—4—5 суток

подряд. Следователи в один голос говорили, что Луговой и Логачев арестованы, что они уже дали показания, грозили расстрелом, морили безо сна. Не добившись желательных им показаний, 17/3—37 г. Красюкова бросили в карцер — каменный мешок 2 метра длинины* и полутора м. ширины, сырой, абсолютно темный. Спал на голом полу. Пробыл в карцере 22 суток. И снова истощенного, замученного, еле державшегося на ногах под руки притащили в следовательский кабинет, и снова допрашивали по 3—4 суток. 25/4 вызвал нач. отделения СПО капитан Осинин. Короткий разговор:

«— Молчишь? Не даешь показания, сволочь? Твои друзья сидят. Шолохов сидит. Будешь молчать — сгноим и выбросим на свалку, как падаль!»

Допрашивали, не разрешая садиться. Стоял до тех пор, пока держали ноги, потом ложился на пол и поднять не могли уже никакими пинками. Не было такого издевательства, которому Красюкова не подвергали бы: неслыханные ругательства, плевки, отказ выпускать в уборную, допросы с запрещением садиться по полсуток, допросы без сна по 3—5 суток, голод, — вот что входило в систему следствия.

После того, как следователи убедились в том, что из Красюкова выжать желательных для них показаний не удастся, его отправили в Ростовскую тюрьму. Летом сидел в камере построенной на 8 человек, но в которую ухитрились поместить 60 заключенных. Спали на полу «валетами», лежа только на боку, в полусогнутом положении, при чем если надо было повернуться на другой бок одному, то поворачиваться вынуждены были все 60. Жара была такая, что по словам находившегося в камере

* Так в тексте.

кочегара, превосходила во много раз жару в машинном отделении парохода. По очереди подползали к дверной щели, чтобы хоть несколько раз глотнуть затхлого, но прохладного воздуха из коридора.

Никакими пытками Красюкова не могли заставить клеветать на себя и других. И когда ему говорили, что он издохнет в тюрьме, — он отвечал: «— И помирая буду говорить: да здравствует коммунистическая партия и советская власть! А вы, фашисты, смотрите и учитесь, как надо умирать честным коммунистам!»

В сентябре его отправили в Миллерово. Из 20 суток, проведенных там, 18 он пробыл на допросах. В Миллерово по указанию Сперанского его допрашивали по 6 суток подряд, не давали сутками воды, по трое суток не давали есть. Довели до того, что он заболел кровавым поносом и если б не подоспел вызов в Москву, то он, наверняка, умер бы в Миллеровской тюрьме. Всего просидел он в тюрьме 11 с половиной м-цев.

О своем состоянии в тогдашнее время Красюков говорит так: «— Самая страшная пытка, — это лишать сна. Приходилось изо всех сил бороться с собой, чтобы не пойти на соблазн легкой смерти, не дать любое показание, какое от меня вымогали. В такие минуты, когда просиживал или простаивал в кабинете следователя по 5 безконечных суток, расстрел или другое наказание казались избавлением. Поддерживала вера в правоту своего дела, а поэтому и выбрал самую тяжелую смерть: решил лучше умереть замученным, чем лгать на себя и на других».

Лугового с момента ареста посадили в одиночку. Допрашивали следователи Кондратьев, Григорьев и Маркович. Метод изнурения заключенного был тот

же, но с некоторыми отступлениями. Так же допрашивали по несколько суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и не приказывали вставать в течение 40—60 часов, потом давали передышку в два-три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевков, били кулаками и ногами, бросали в лицо окурки. Потом перешли на более утонченный способ мучительства: сначала лишили матраца на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, т. к. лежать надо было на голом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстилал под спину веник, — взяли и веник из камеры. Затем против одиночки Лугового поместили сошедшего с ума в тюрьме арестованного работника КПК Гришина, и тот своими непрестанными воплями и криками не давал забыться и в те короткие часы, когда приводили с допросов. Не помогло и это, — перевели в карцер, но карцер особого рода, клоповник. В наглухо приделанной к стене кровати кишели, по словам Лугового, миллионы клопов. Ложиться на полу строжайше воспрещали. Лежать можно было только на этой кровати. Но освещение в камере было так искусно устроено (затененный свет), что вести борьбу с клопами было абсолютно невозможно. Через день тело покрывалось кровавыми струпьями и человек сам становился сплошным струпом. В клоповнике держали неделю, затем снова в одиночку. Вымогание ложных показаний, «подавление психики» арестованного достигалось и таким путем: среди ночи в камеру приходил следователь Григорьев, вел такой разговор: «— Все равно не отмолчишься! Заставим говорить!

Ты в наших руках. ЦК дал санкцию на твой арест? Дал. Значит ЦК знает, что ты враг. А с врагами мы не церемонимся. Не будешь говорить, не выдашь своих соучастников, — перебьем руки. Заживут руки, — перебьем ноги. Ноги заживут, — перебьем ребра. Кровью ссать и срать будешь! В крови будешь ползать у моих ног и, как милости, просить будешь смерти. Вот тогда убьем! Составим акт, что издох и выкинем в яму».

Логачев испытал тоже самое. Издевались, уничтожали человеческое достоинство, надругивались, били. На допросе продержали 8 суток, потом посадили на 7 суток в карцер, переполненный крысами. В карцере сидел в одном белье, до этого раздели. Из карцера уже не вели, а несли на носилках. Отнялась левая нога. Допрашивали 4 суток. Пролежал в одиночке 3 часа и снова понесли на допрос. Допрашивали 5 суток подряд. Не мог сидеть, падал со стула, просил разрешения у следователя Волошина прилечь на постеленную на полу дорожку, но тот не разрешил лечь там. Пролежал на голом полу около часа и снова подняли. Снова пытали 4 суток. Провоцировали. Следователь Маркович кричал: «—Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядина, сидит у нас! И сидит крепко! Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?!» Бил по лицу. К концу четвертых суток Логачев подписал то, что состряпал и прочитал ему следователь.

О своем тогдашнем состоянии говорит коротко: «— Дошел, вернее довели, до того, что если б предложили подписать, что я был римским папой, — и это подписал бы. Хотелось только одного: поскорее умереть».

Арестованный Лимарев передавал в Миллеровской тюрьме Красюкову, что Каплеева допрашивали 10 суток подряд. Лимарев сидел в соседней каме-

ре и слышал все это. Каплеев — пожилой крепкий мужчина, когда-то командовавший коммунистическим полком, бившийся с белыми, с Махно и многочисленными бандами на Дону, — не раз, по словам Лимарева, плакал во время этого допроса, а на десятые сутки попросил: «— Прочти хоть, что ты там написал!» И после этого затих. Допрос прекратился. Надо полагать, что Каплеев подписал все, что создала богатая следовательская фантазия.

Сидевший вместе с Луговым в Новочеркасской тюрьме порученец Рудя провел в карцере 20 с лишним суток. В этом карцере на цементном полу на вершок стояла вода. Луговой утверждает, что спина этого человека представляла сплошную язву: чирьи сидели так густо, что соприкасались стенками. Не выдержав, порученец наклеветал на Рудя, в чем после и сознавался другим арестованным. Не захотелось умирать...

проверить

О допросах с пристрастием пишут мне и другие арестованные, которые сейчас находятся в ссылке. Пишут и просят довести до Вашего сведения о том, как их допрашивали, как из них сделали врагов.

На Лугового было 27 показаний. Показывали о его вражеской работе даже те, кто его никогда в глаза не видел и никогда не бывал в Вешенской. Это установлено при проверке дела т. Ежовым. Большинство показаний было дано арестованными Базковского р-на, где нач. РО НКВД работал Кравченко, впоследствии посланный Евдокимовым в наш р-он. Этот Кравченко производил аресты в своем р-не, он же вел следствие, т. к. летом его мобилизовали на следовательскую работу в Миллеровский отдел НКВД. Он вымогал ложные показания от арестованных. Почему же его не привлекают к ответственности? Почему он из Вешенского р-на переведен в крупнейший р-он Каменский, а Тимченко — в Цым-

лянский? Почему не привлекают к ответственности тех, кто упрятал в тюрьму Лугового, Логачева, Красюкова и тех, кто вымогал у них показания в своих вражеских целях? Неужто все это так и останется и врагам будет дана возможность и дальше так же орудовать?

Сперанский говорил мне, что Слабченко осудили, сослали. А сидел он за связь с Луговым, об этом свидетельствуют его записки, переданные из тюрьмы на волю. Слабченко видела его жена перед отправкой. Арестованных гнали в баню и Слабченко, не обращая внимания на подталкиванье прикладами, успел ей крикнуть: «— Правду не схоронят! За меня не безпокойся! Узнает Москва, узнает т. Сталин — и я буду на свободе!»

Красюков рассказывал, что в дни 1 мая в Ростовской тюрьме стон стоял от криков. Из одиночек кричали: «Да здравствует коммунистическая партия!» «Да здравствует товарищ Сталин!»

Даже страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия не сломили веры в партию, в Вас, у подлинных большевиков, которые, будучи замучены сами, кричали здравицы партии и ее вождю.

Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный безконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен; этот метод приводил и неизбежно будет приводить к ошибкам. Тех, которым подчинены следователи, интересует только одно: дал ли подследственный показания, движется ли дело. А самих следователей, судя по делу Лугового и др., интересует не выяснение истины, а нерушимость построенной ими обвинительной концепции. Не даром следователь Шумилин, вымогая у Красюкова желательные для него, Шумилина, показания, на вопрос Красюкова «— Вы хотите, чтобы я

лгал?», ответил: «— Давай ложь. От тебя мы и ложь запишем». В тюрьмах Ростовской обл. арестованный не видит никого, кроме своих следователей. Просьбы арестованных разрешить написать заявление прокурору или нач. УНКВД грубо отклоняются. Написанное заявление на глазах у арестованного уничтожается, и арестованный с каждым днем все больше и больше убеждается в том, что произвол следователя безграничен. Отсюда и оговоры других и признание собственной вины, даже никогда несовершаемой.

Надо покончить с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным. Нельзя разрешать вести беспрерывные допросы по 5—10 суток. Такой метод следствия позорит славное имя НКВД и не дает возможности установить истину.

Безконтрольная работа следователей дает широкую возможность пробравшимся в следственный аппарат врагам творить свои страшные дела. Арестованный пред. Базковского РИК'а Шевченко сидел в Миллеровской тюрьме НКВД подследственным 14 м-цев. Убежден, что Шевченко не враг, но за это время из него, наверняка, выжали ложные показания, т. к. допрашивал его Кравченко и др. враги. Один из них (следователь Малинцевич) уже арестован.

проверить

Надо тщательно перепроверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и нынешнем году, т. к. многие из них сидят напрасно. Сидят по милости врагов.

Дела изъятых в порядке очистки тыла тоже необходимо перепроверить. Изымали не только активных белогвардейцев, эмигрантов, карателей, словом тех, кого необходимо было изъять, но под эту рубрику подводили и подлинно советских людей: молодых бригадиров, трактористов, животно-

водов. Это — тоже метод вражеской работы, желание внушить казачьему населению враждебные чувства к Советской власти, породить сознание неуверенности и тревоги. Враги достигли цели. В народе по северным р-нам Дона говорят без тени иронии: «Моего забрали, когда второй набор проходил».

Из уст знакомых колхозников я сам не раз слышал, что живут они в состоянии своеобразной «мобилизационной готовности»; всегда имеют запас сухарей, смену чистого белья на случай ареста. Ну, куда же это годится, т. Сталин? И не это ли обстоятельство способствовало тому, что великолепный урожай пр[ошлого] года еле убрали, огромное количество хлеба сгнило в поле, семена не сохранили, зяби не допахали?

Дорогой т. Сталин! Прошу Вас лично — Вы всегда были внимательны к нам — прошу ЦК, — разберитесь с нашими делами окончательно!

Доведите до сведения Н. И. Ежова о содержании моего письма, ведь он сделал первый почин в распутывании вешенского клубка, и пришлите комиссию из больших людей нашей партии, из настоящих коммунистов, которые распутали бы этот клубок до конца. Обком ничего не делает и не сделает! Я уже говорил Евдокимову: «— Почему обком не предпринимает никаких мер, чтобы освободить из тюрем тех, кто сидит за связь с Луговым, кто посажен врагами?» Он ответил: «— Ты говорил об этом Ежову? Ну, и хватит. А что я могу сделать?» Сажать он мог, а говорить об освобождении неправильно посаженных не может. Тогда почему же он мог спрашивать о Шацком, Семякине, Шестовой: «— А не зря ли они посажены? Не оклеветали ли их?»

Пришлите по делам арестованных коммунистов М. Ф. Шкирятова. Он знает очень многих людей

здесь по 1933 г., ему будет легче ориентироваться, и кого-нибудь из заместителей т. Ежова. И пусть они, знакомясь с ростовскими делами, хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы съел на чекистской работе, и что бы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Щацкого, Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др.? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги.

За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги. После отъезда Тимченко и Кравченко их подручные продолжают вести активную работу. Ознакомьтесь с заявлением, которое прилагаю, и Вы увидите, что старая история продолжается. О действиях этого «политически зрелого» мерзавца Сидорова, терроризировавшего колхозников, выдававшего себя за «тайного агента» НКВД, РК довел до сведения РО НКВД. Результаты следствия, проведенного работником НКВД Костенко, указаны в этом заявлении*. Знает об этом и Евдокимов. Но до настоящего времени Сидоров не привлечен к ответственности. Всего не перескажешь, т. Сталин, хватит и этого.

Письмо повезу сам. Если понадоблюсь Вам —

---

* См. документ № 13.

Поскребышев меня найдет. Если не увижу Вас, — очень прошу через Поскребышева сообщить мне о Вашем решении. Крепко жму Вашу руку.

*М. Шолохов**.

Ст. Вешенская
16 февраля 1938 г.

Там же, л. 41—61. Подлинник.

13. ЗАЯВЛЕНИЕ БЛАГОРОДОВА В. А. ВЕШЕНСКОМУ РК ВКП(б)

27 декабря 1937 г.

Вешенскому райкому ВКП(б)
от колхозника колхоза «Донской Хлебороб» —
Благородова Василия Александровича

Заявление

В нашем колхозе проживает гражданин Сидоров Николай Петрович, который в 1933—1934 гг. был исключен из комсомола за хулиганские действия, а именно: в саботаж покупал у с/сов[ета] кулацкие вещи и с большой наценкою перепродавал колхозникам. И на вырученные деньги занимался пьянством, имел незаконно оружие наган, наставлял на граждан и учинял стрельбу на улице. Подтвердят: Колесников Демид Ал., Сенякин Алексей Гиф. и другие. Был весовщиком на мельнице, воровал гарнцевый сбор и спекулировал, могут подтвердить Мельникова Н. Я., Назаров Иван, Мельникова Мария С. и другие.

Занимался развратом семейной жизни колхозни-

---

* В конце письма рукой И. Сталина написано: «1) Травля Шолохова».

ников и когда колхозник прихватывал Сидорова у своей жены, то он угрожал арестом и отправкой в НКВД, как пример, Тимофеева Ивана И.

После ареста Лугового и Логачева, — Сидоров неоднократно выступал на собраниях с клеветой на писателя Шолохова М. А., доказывая, что Шолохов спасал под своим крылом всех кулаков и врагов народа.

Кроме этого он говорил в присутствии меня, Калинина М. Е., Мазанова Т. А., Бондаревой К. А., что Шолохов когда набирал песенников в Москву, нанимал одного из песельников вложить наган в гармошку и убить тов. Сталина, после этого предлагал мне подписать материал написанный им тов. Ежову об этой клевете, за что нам будет большая награда. Об этих безобразиях я указал на колхозном собрании 19 декабря, в присутствии т. т. Лугового и Логачева. Дня через два приехал начальник НКВД Костенко и стал доказывать мне, что это все ложь на политически зрелого человека Сидорова Н. П. Не допрашивая еще свидетелей и что мне дадут лет 5 тюрьмы.

...Сидоров был председателем ревкомиссии, занимался пьянкой в то время, когда в поле гнил хлеб, а также погноил на огороде капусту, как бригадир огородницкой бригады и кто из колхозников критиковал его работу, он угрожал арестом. На честных колхозников составлял ложные акты, как на врагов народа как например, на Козина И. Г. могут подтвердить член с/сов[ета] Жарков И. А. и друг[ие] и много творил безобразий, которые вели на развал нашего колхоза, за все эти безобразия третий секретарь райкома Алфимов ходатайствовал восстановить его в комсомоле.

Прошу райком партии поручить проверить эти факты и вражеские дела Сидорова и привлечь к ответственности.

При допросе Костенко мне задавал такие вопросы, почему я неподписал материалы Сидорова на Шолохова, может быть Сидоров был прав в этом и знал это дело.

К сему: *Благородов.*

27.XII.-37 г.
Верно:

Там же, л. 62—63. Заверенная копия.

14. М. Ф. ШКИРЯТОВ И В. Е. ЦЕСАРСКИЙ[43] И. В. СТАЛИНУ* И Н. И. ЕЖОВУ

23 мая 1938 г.

Товарищу СТАЛИНУ.
Товарищу ЕЖОВУ.

О результатах проверки письма тов. Шолохова на имя товарища Сталина.

В своем письме на имя товарища Сталина тов. Шолохов выдвигает против работников НКВД Ростовской области ряд обвинений, которые в основном сводятся к следующему**:

1. Группа работников УНКВД Ростовской области создавала и продолжает создавать ложные дела на честных и преданных советской власти людей.

«Сотни других коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылке» (из письма т. Шолохова).

---

* На документе красным карандашом рукой А. Поскребышева написано: «От тт. Шкирятова и Цесарского».
** Здесь и далее текст подчеркнут А. Поскребышевым.

2. В органах НКВД Ростовской области к арестованным применяются физические насилия и длительные допросы, толкающие арестованных на путь оговаривания неповинных людей и приписывания себе преступлений, ими не совершенных.

«Надо покончить — писал т. Шолохов — с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным».

3. Против тов. Шолохова подбирались ложные материалы и распускались провокационные слухи с единственной целью его скомпрометировать.

«В такой обстановке, какая была в Вешенской, невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги» (из письма т. Шолохова).

В своем письме т. Шолохов требовал пересмотреть следственные дела за 1937 и 1938 гг., освободить из-под стражи невинно осужденных и привлечь к ответственности работников УНКВД по Ростовской области, повинных в этих преступлениях. тов. Шолохов писал:

«Надо тщательно проверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и нынешнем годах, так как многие из них сидят напрасно».

«...Невиновные сидят, виновные здравствуют и никто не думает привлекать их к ответственности».

С целью проверки фактов, приведенных в письме т. Шолохова, мы выехали в г. Ростов, где ознакомились с материалами на указанных лиц, арестованных в Вешенской станице.

Нами было выяснено, что за 1937 г. и начало 1938 г. всего в Вешенском районе арестовано 185 человек, в том числе 133 белогвардейца (большинство из них кулаки, участники Вешенского контрреволюционного восстания в 1919 г. и реэмигранты) и 52

кулака, ранее судившихся за контрреволюционную деятельность (из них 18 чел. арестованы как участники право-троцкистской организации).

В станице Вешенской мы говорили с т. Шолоховым по вопросам, затронутым в его письме. Мы спросили его, настаивает ли он на проверке всех дел арестованных и осужденных по кулацко-белогвардейской операции, произведенной в 1937—1938 г. г.

Тов. Шолохов ответил, что считает не нужным это делать так как он не берет под сомнение все произведенные в Вешенском районе аресты. Но он назвал фамилии следующих лиц дела которых он считал бы нужным проверить: Слабченко, Каплеев, Лимарев, Шевченко И., Тютькин, Шевченко К., Махотенко, Худомясов, Гребенников, Чукарин, Кривошлыков.

Кроме того секретарь Райкома ВКП(б) т. Луговой к этому списку добавил следующих лиц: Сидорова, Бокова, Дударева, Конкина, Кузнецова, Точилкина и Мельникова.

Ввиду того, что дела всех этих лиц, о проверке которых просили т. т. Шолохов и Луговой, находились в УНКВД по Ростовской области, а сами арестованные содержались — частью в Каменской и Миллеровской, а частью в Ростовской тюрьмах, то для проверки этих дел мы выехали в Ростов. Для допроса мы вызывали из тюрем арестованных и лично ознакомились с их делами.

1. Кто и за что арестован.

В результате наших передопросов арестованных и проверки их следственных дел установлено следующее.

1. ГРЕБЕННИКОВ С. И. — бывш. член ВКП(б), до ареста работал директором Колундаевской МТС. Основанием для ареста Гребенникова послужила

его связь с разоблаченным врагом народа Сабушем, бывш. зав. ОкрЗУ Северо-Донского округа, который в своих показаниях называл Гребенникова участником контр-революционной организации.

На передопросе Гребенников подтвердил, что в организацию он действительно был завербован Сабушем и подтвердил ранее данные им показания о своей антисоветской деятельности.

2. КОНКИН И. И. — кулак, белогвардеец, участник Вешенского контрреволюционного восстания в 1919 году, в 1932 г. арестовывался за контрреволюционную агитацию и был осужден на 3 года. После отбытия наказания, вернулся на хутор Черновский и вступил в колхоз «Донской хлебороб», где работал до ареста бригадиром.

Арестован он за вредительство в колхозе: заразил клещем 1800 центнеров хлеба и сгноил 200 центнеров проса.

Конкин на передопросе не отрицал, что в колхозе погибло это количество хлеба, но заявлял, что это было допущено не с вредительской целью: были дожди. По делу он уличается во вредительстве свидетельскими показаниями и актами комиссий, проверявшими работу колхоза.

3. ТОЧИЛКИН А. М. — участник вешенского контрреволюционного восстания в 1919 году, белогвардеец, реэмигрант. Судился в 1925 году за грабеж. До ареста работал сторожем колхоза «Донской хлебороб».

Арестован за расхищение социалистической колхозной собственности (украл 63 центнера хлеба). На передопросе Точилкин виновным себя не признал, но он уличается свидетельскими показаниями и актами комиссий, проверявшими работу колхоза.

4. МЕЛЬНИКОВ И. Е. — до революции семья была кулацкой. 2 брата у него арестованы как враги. До

ареста работал бригадиром колхоза «Донской хлебороб».

Обвиняется в том, что вредительски провел уборку урожая 1937 года, допустил потраву 4-х га подсолнуха и погноил 20 га пшеницы. На передопросе виновным себя признал, и уличается свидетельскими показаниями.

5. КУЗНЕЦОВ А. П. — до ареста работал завхозом колхоза «Донской хлебороб». Отец его бывший кулак, арестован за контрреволюционную деятельность.

Обвиняется Кузнецов в том, что будучи завхозом колхоза, сорвал строительство навесов для намолоченного зерна, в результате чего по его вине значительная часть урожая погибла.

По просмотренному нами делу полностью уличается свидетельскими показаниями и актами комиссий, проверявших работу колхозов.

6. ДУДАРЕВ — кандидат партии, служил в Красной армии. До ареста работал председателем колхоза «Донской хлебороб».

По материалам следственного дела обвинялся в том, что создал в колхозе вредительскую группу, в которую завербовал Кузнецова, Точилкина, Мельникова, Шульгина и Конкина и с их помощью проводил вредительство в колхозе — посеял 416 га недоброкачественными семенами, не обеспечил гумна навесами, сгноил много намолоченного зерна.

Тов. Шолохов по этому делу нам заявил, что якобы арест Дударева связан с делом т. Лугового. Но мы выяснили, что в следственном материале этого ничего нет. Поводом же для такого заявления т. Шолохова было выступление б. начальника районного отделения НКВД т. Тимченко, который на общем собрании колхоза «Донской хлебороб» заявил, что Дударев вредил по указанию Лугового. Проверив следственные материалы и передопросив

Дударева, мы установили, что его арест не связан был с делом Лугового.

По существу же его дела мы считаем, что из всей группы арестованных он произвел на нас впечатление честного человека, он отсидел уже 9 месяцев, и поэтому мы его решили освободить.

Остальные же лица, арестованные в этом колхозе — белогвардейцы и кулаки — Конкин, Точилкин, Мельников, Шульгин и Кузнецов, арестованы правильно.

7. ЛИМАРЕВ П. Т. — бывш. член ВКП(б), бывш. зав. орготделом Вешенского райкома ВКП(б), до ареста работал председателем Морозовского Райисполкома.

Основанием для ареста Лимарева послужили показания арестованных, изобличавших его в том, что он совместно с Луговым вербовал участников в антисоветскую организацию. Впоследствии это обвинение отпало, но Лимарев не был освобожден потому, что арестованный Косилов (бывш. зам. председателя Крайисполкома Азово-Черноморского края) дал показания о нем, как об участнике организации. Приводим показания Косилова:

«Повстанческую работу в районах возглавляли: в Морозовском — председатель РИК'а Лимарев, в Колгужинском — секретарь райкома Ховрин и председатель РИК'а Плугов. Этих троих человек в организацию правых завербовал лично я в 1935».

Мы подробно ознакомились с этим делом, передопросили Косилова, провели очную ставку между Лимаревым и Косиловым, на которой Косилов подтвердил ранее данные им о Лимареве показания.

Вопреки тому, что на прямо поставленный Косилову вопрос, — не оговаривает ли он Лимарева, — Косилов заявил, что дает правдивые показания, у нас все-таки сложилось мнение, что мы имеем дело

с оговором, ибо показания Косилова неконкретны и в них есть противоречия. Мы поэтому поверили Лимареву и освободили его.

Нижеперечисленных лиц, указанных т. Шолоховым, нам опросить не удалось. Часть из них осуждена по первой категории*, или находятся в лагерях. Поэтому пришлось ограничиться только проверкой их следственных дел.

В результате ознакомления с делами установлено следующее:

1. СИДОРОВ В. В. — отступал с белыми, судился по ст. III УК РСФСР, до ареста работал председателем колхоза «Новый путь».

Обвинялся в том, что являлся одним из руководителей контрреволюционной повстанческой группы на хут. Антиповском, которая в 1936—37 г. г. подготовляла повстанческие кадры и вербовала людей. На очной ставке с Антиповым, белогвардейским офицером, который завербовал Сидорова в повстанческую группу, Сидоров себя виновным признал. Кроме того, он уличался 15 свидетельскими показаниями.

2. ХУДОМЯСОВ М. Е. — бывш. управделами Вешенского райкома партии. Арестован, как участник троцкистской организации. Изобличен показаниями Алферова А. И., белогвардейца реэмигранта и свидетелями Немудрякиным и Пересалченко. На следствии Худомясов показал:

«В 1934 г. я установил связь с троцкистами в районе с Николаенко, который был уполномоченным райкома ВКП(б) и с Худомясовым — бывш. пред. колхоза им. Фрунзе. Николаенко и Худомясов давали мне прямые указания вредительски сеять

* Осуждение «по первой категории» значило расстрел. — *Ред.*

по сорнякам и с огрехами. Среди колхозников они вели троцкистскую агитацию, а я им в этом помогал.

Сблизившись с Худомясовым, я ему в одной из бесед рассказал о своей контрреволюционной работе среди казаков. Худомясов одобрил мою работу и сказал: «Хорошо, что мы нашли друг друга, интересы у нас одни, будем работать вместе».

Ввиду того, что в показаниях Алферова есть ссылка на связь Худомясова с Луговым и Логачевым (освобожденными после установления ложности доноса на них) необходимо для проверки этих данных Худомясова вызвать из лагеря.

3. КРИВОШЛЫКОВ М. С. — белогвардеец, участник контрреволюционного восстания в Вешенской в 1919 году. До ареста работал в колхозе «Путь к социализму».

Обвинялся в том, что систематически проводил среди колхозников антисоветскую агитацию, высказывал повстанческие настроения и распространял клевету на руководителей партии и советского правительства. Виновным себя признал и уличается показаниями арестованного Шашаева и свидетелями Попова, Аникина и Кочетова.

По этому делу, в связи с заявлением Кривошлыкова (на имя секретаря райкома т. Лугового) о том, что он оговорил себя и на него клевещут, мы считаем, что его тоже надо вызвать для допроса.

4. СЛАБЧЕНКО И. И. — белогвардеец, исключен из ВКП(б) в 1937 году за сокрытие службы в белой армии. До ареста работал директором свиносовхоза «Красный колос».

Слабченко арестован как организатор контрреволюционной повстанческой группы, вел антисоветскую агитацию. Слабченко виновным себя не признал, но уличается показаниями арестованных

Корешкова-Коршикова, Шевченко, Меркулова, Демина и очными ставками с ними и, кроме того, тремя показаниями свидетелей.

5. ШЕВЧЕНКО И. Г. — сын кулака, в августе 1937 года был исключен из ВКП(б) за скрытие социального происхождения и троцкистское выступление в 1927 году, которое он также скрывал.

Связавшись с Слабченко, знал от него о существовании в Кашарском районе троцкистской организации и поддерживал контрреволюционную клевету, распространяемую Слабченко против партии и ее руководителей.

6. КАПЛЕЕВ П. М. — бывш. член ВКП(б), работал заведующим Вешенской конторой Заготзерно.

Арестован за вредительство в системе Заготзерно. Каплеев показал, что он был связан с участником троцкистской организации Северо-Донского округа Пономаревым — управляющим окружной конторой Заготзерно и под его непосредственным руководством проводил вредительство.

«Перед майскими праздниками 1937 г. Пономарев, обозленный арестами членов троцкистской организации дал мне задание загазировать большими дозами хлорпикрина продовольственное зерно, которое подлежало передаче на макаронную фабрику для переработки. Я это задание выполнил».

«...Я вместе с приемщиками занимался хищением зерна». (Из показ[аний] Каплеева).

Каплеев далее показал, что он завербовал в контрреволюционную группу ряд белогвардейцев казаков — Алпатова, Калинина и др., совместно с которыми проводил вредительство в Заготзерно.

7. БОКОВ Г. А. — в 1935 г. судился за перегибы и был присужден к 4-м годам лишения свободы, до ареста работал помощником шофера в колхозе им. Буденного.

Арестован, как активный участник действовавшей на Дону контрреволюционной казачьей повстанческой организации. Боков виновным себя не признал, но уличается показаниями Филимонова (кулак, белогвардеец, реэмигрант, судился в 1930 г. за к.-р. деятельность), который показал, что он завербовал Бокова в 1936 году в контрреволюционную организацию.

8. ЧУКАРИН В. А. — кулак, сын хуторского атамана, служил в белой армии с 1918 по 1920 г. урядником, до ареста работал председателем Черновского сельсовета.

Обвинялся в том, что создал на хуторе Черновском из лиц, служивших ранее в белой армии, контрреволюционную группу, которая вела повстанческую деятельность на территории Черновского сельсовета.

Виновным себя признал и, кроме того, уличается арестованными участниками этой группы Синякиным, Абакумовым, Фроловым и тремя свидетельскими показаниями.

9. МАХОТЕНКО И. Е. — кулак, белогвардеец, до ареста работал завхозом «Заготскот».

Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной повстанческой группы, вел антисоветскую агитацию среди казаков и стоял на пораженческих позициях.

Виновным себя признал и уличается показаниями Лимана и Сукова, который завербовал Махотенко в повстанческую группу.

10. ШЕВЧЕНКО К. П. — до ареста — директор Лесопитомника Басковского района.

Арестован, как участник право-троцкистской организации. Шевченко на следствии показал:

«Я являлся членом контрреволюционной организации правых, которая работала в контакте с

троцкистами. В организацию я был завербован в 1934 г. директором Карлиновской МТС Басковского района Негродовым».

Кроме того, Шевченко признался, что работая в колхозе «Ленинский путь» и «Красное знамя», организовал расхищение 116 центнеров хлеба и вредительски проводил сев.

2. Как проводилось следствие в отношении передопрошенных нами арестованных.

Для проверки той части заявления т. Шолохова, где говорится, что органы НКВД Ростовской области применяют к арестованным физические меры воздействия, — мы специально допросили арестованных Лимарева, Тютькина, Дударева, Кузнецова, Мельникова, Точилкина, Гребенникова и Громославского.

Ни один из опрошенных нами не показал, чтобы над ними в какой-то форме применялось физическое насилие. На наш вопрос Дудареву, сколько времени продолжался его допрос, он сначала ответил — «очень долго», мы предложили уточнить, тогда он заявил: «на допросе был целых три часа». Это он считает уже «насилием»!

3. Кто и как организовывал травлю т. Шолохова.

В своем письме т. Шолохов писал, что против него ведут травлю. Для того, чтобы проверить это, мы просили его назвать факты, кто конкретно занимается этой травлей.

Тов. Шолохов нам заявил, что он сейчас этот вопрос и не ставит и не считает нужным об этом вести следствие. Он только просил проверить правильность ареста Тютькина, который по имеющимся у него сведениям арестован за отказ дать материал на него, Шолохова. Кроме того, т. Шолохов просил проверить заявление Благородова о

Сидорове, которое было приложено к его письму на имя тов. Сталина. Тов. Шолохов также считал необходимым проверить неправильные действия тов. Тимченко в бытность его начальником Райотделения НКВД в Вешенском районе.

Эти факты мы проверили.

Дело Тютькина. Мы вызвали Тютькина из Миллеровской тюрьмы, т. Тимченко из Цымлянского района и проверили все это дело.

Откуда т. Шолохов получил сведения о неправильности ареста Тютькина? Отец арестованного член партии Тютькин сообщил т. Шолохову, что до ареста его сын Тютькин А., работавший секретарем Вешенского Райотделения НКВД, ему рассказал, что начальник этого Райотделения Тимченко подбирает материалы на т. Шолохова. Через некоторое время после этого разговора с отцом А. Тютькин был арестован.

Из ознакомления с следственным делом и допроса Тютькина А. мы установили, что он арестован был по двум обвинениям: 1) на основании показания арестованного Миллеровским Горотделением Дударева (бывш. преподавателя), что Тютькин за 50 рублей снял его с комсомольского учета, подделав учетную комсомольскую карточку и 2) на основании заявления гр-на Зимовного, что Тютькин во время работы зам. секретаря райкома комсомола на лекции в колхозной школе для взрослых восхвалял Гитлера.

Тютькин подтвердил, что только эти два обвинения были предъявлены ему на следствии, при чем обвинение в подделке учетной карточки отпало. И в просмотренном нами деле не было указаний на обвинение, связанное с подбором материалов на т. Шолохова.

Мы спросили Тютькина, что он передал отцу о

подборе материалов на т. Шолохова. Тютькин нам заявил, что он действительно говорил, что на т. Шолохова подбирается в Райотделении НКВД материал, но что к его делу и предъявленному ему обвинению это не имеет никакого отношения; на следствии его об этом не допрашивали и что этот вопрос перед ним ставится впервые.

Но при очной ставке с т. Тимченко, Тютькин заявил, что когда он работал в Райотделении НКВД, Тимченко ему задавал вопросы о Луговом, спрашивал, знает ли он о вредительской деятельности в районе. Тимченко все это отрицал, что он таких вопросов ему не задавал. Кто из них прав — бывший начальник Райотделения НКВД т. Тимченко, или арестованный Тютькин, — сказать трудно!

Мы считаем установленным, — это подтвердил нам также т. Тимченко, — что Тютькин арестован не за отказ от подбора материалов на т. Шолохова, а за восхваление Гитлера. Арестован он был Миллеровским Горотделом НКВД, когда уже т. Тимченко не работал в Вешенском районе.

По поводу обвинения его в восхвалении Гитлера, Тютькин заявил, что показание на него гр-на Зимовного неверно.

Из материалов дела видно, что Тютькин преподавал политграмоту в колхозной школе и во время одной своей лекции привел недопустимую аналогию между тов. Сталиным и Гитлером, заявив, что у нас в стране гениальный человек тов. Сталин, а в Германии — у фашистов — Гитлер, что мы под руководством тов. Сталина боремся против фашизма, а фашисты, руководимые Гитлером, борятся против нас.

Учитывая, что обвинение в подделке учетной карточки не подтвердилось, а приведенная в лекции недопустимая аналогия была допущена Тютькиным

не в результате злого умысла, а объясняется его недостаточной политической грамотностью, мы нашли возможным Тютькина из-под стражи освободить.

Следующий факт, связанный с вопросом о травле т. Шолохова, — это заявление гр. Благородова, которое было приложено к письму т. Шолохова.

Суть заявления Благородова заключается в том, что он, Благородов, разоблачает колхозника Сидорова, по заданию райотделения НКВД, распространявшего клевету на т. Шолохова, который, якобы, знал, что среди участников приезжавшего в Москву казачьего хора, были террористы, ставившие своей целью убийство тов. Сталина.

С целью проверки этого заявления нами, в присутствии тов. Шолохова, были опрошены Сидоров, Благородов и свидетели Мазанов, Калинин и Бондарева. Мы провели также очные ставки Благородова с Сидоровым и с свидетелями.

На очной ставке с Благородовым — Сидоров категорически отрицал выдвинутое против него обвинение, заявляя, что Благородов сводит с ним личные счеты, потому что он — Сидоров выступал против отца Благородова (бывш. владельца мельницы, ныне работающего мельником на этой же мельнице), с обвинением в краже хлеба с мельницы, а также выступал против Громославского (брата жены т. Шолохова), работающего зав. школой на хуторе Черновском, защищавшего этого мельника.

Благородов, настаивая на своем заявлении, выдвинул против Сидорова ряд обвинений, характеризуя его как развратника и пьяницу. В процессе очной ставки выяснилось, что сам Благородов развратничает совместно с Сидоровым. Характерно отметить, что в день вызова их на допрос Благородов и Сидоров друг с другом поприятельски выпивали.

На очной ставке Благородов заявил, что свиде-

телями его разговора с Сидоровым о Шолохове являются колхозники Бондарева, Мазанов и Калинин. Он предупредил нас, что свидетельница Бондарева не подтвердит правдивость его слов, потому что она является кумой Сидорова. В ответ на это Сидоров резонно заявил, что она одновременно является кумой и Благородова.

Вследствие того, что Сидоров заявление Благородова не подтвердил, мы опросили свидетелей, на которых ссылался Благородов.

Свидетель Мазанов при первом опросе подтвердил правильность заявления Благородова, но после очной ставки с Сидоровым заявил, что он оклеветал Сидорова и сделал это по настоянию Благородова.

Подтвердили заявление Благородова и свидетель Калинин, но показания его не заслуживают доверия, так как Калинин быв[ший] белогвардеец и к тому же признался на допросе, что до последнего времени скрывал, что он — сын хуторского атамана.

Для более детальной проверки заявления Благородова мы вместе с т. Шолоховым выехали на Хутор Черновский и опросили еще ряд свидетелей.

Бондарева, на которую ссылался Благородов, рассказала нам о Сидорове следующее. В прошлом он был беспризорным, затем батрачил на том же хуторе, во время молотьбы ему оторвало руку. Назвала она Сидорова человеком верным советской власти, что на хуторе на него наклеветали за то, что он, будучи председателем ревкомиссии колхоза, правильно выступал против отца Благородова — кулака-мельника и против учителя Громославского — родственника т. Шолохова, который прикрываясь именем последнего, незаконно использовал для личных нужд две коровы и две лошади, принадлежавших колхозу. Она же нам рассказала, что настоящая фамилия Благородова — Молчанов, во время ареста

его отца кулака он был тоже арестован, но бежал из-под ареста и после побега жил на персидской границе и там достал себе подложные документы на имя Благородова.

Другие колхозники, с которыми мы беседовали в этом колхозе, также полностью подтвердили характеристику, которую дала Бондарева Сидорову и Благородову.

Возвратившись в станицу Вешенскую, мы вторично допросили Благородова. Подтвердилось, что его настоящая фамилия действительно Молчанов и переменил он ее незаконно, когда скрывался на персидской границе после побега из-под ареста в 1933 г.

На допросе Благородов — Молчанов проговорился, что заявление на Сидорова он писал по инициативе и совместно с учителем хутора Черновского Громославским.

В результате детальной проверки заявления Благородова выяснилось, что распространяет клевету о т. Шолохове не Сидоров, а проходимец и жулик Благородов-Молчанов, который использовал колхозные собрания для распространения клеветы о т. Шолохове.

Перед отъездом из Вешенской мы спросили т. Шолохова, следует ли продолжать дальше следствие по вопросу о его «травле» со стороны Сидорова. Тов. Шолохов на это нам ответил, что для него теперь вполне ясно лицо Благородова кулацкого сынка и жулика и просил считать вопрос об этом заявлении исчерпанным.

Третий факт, который мы расследовали — это о роли тов. Тимченко.

На протяжении всего письма, т. Шолохов неоднократно упоминает фамилию начальника райотделения НКВД т. Тимченко, как одного из основных инспираторов травли против него.

Вызванный в связи с этим т. Тимченко был нами опрошен по существу заявления т. Шолохова. В своем объяснении т. Тимченко сообщил, что обвинение его в травле тов. Шолохова ни на чем не основано, так как в действительно[сти] до дня своего отъезда из Вешенской с т. Шолоховым они находились в приятельских отношениях, часто бывали друг у друга в гостях.

Таковы результаты проверки заявления т. Шолохова по вопросу о травле его со стороны т. Тимченко. Из материалов, которые мы проверили, не видно, чтобы он проводил какую-либо травлю против т. Шолохова.

Во время нашего пребывания в Вешенской т. т. Шолохов и Луговой передали нам полученные ими 17 заявлений осужденных и просили их проверить. В результате проверки этих заявлений выяснилось, что заявителями являются:

1. КРИВОШЛЫКОВ — кулак, реэмигрант, бывш. белогвардеец, изобличается в антисоветской деятельности двумя свидетелями и одним обвиняемым.

2. ЕГОРОВ И. Я. — кулак, участник белогвардейского восстания на Дону, белогвардеец, в 1936 г. судился за убийство. В антисоветской деятельности изобличается тремя свидетелями и одним обвиняемым.

Аналогичными являются и другие заявители, кроме двух, Худомясова и Петрова, дела в отношении которых нуждаются в дополнительной проверке.

Перед самым отъездом из Вешенской т. Шолохов попросил нас проверить обоснованность ареста его родственника — второго брата его жены — Громославского В. П., содержащегося в Каменской тюрьме. Об этом Громославском в своем письме т. Шолохов не упоминал.

По нашему указанию Громославский был привезен из Каменской тюрьмы в Ростов и нами передопрошен.

ГРОМОСЛАВСКИЙ является сыном станичного атамана, до и после революции был служителем религиозного культа; в 1916 г. был псаломщиком, а с 1920 по 1929 год — дьяконом. В 1930 г. был осужден по ст. 59, п. 10 УК, но в 1932 году освобожден по кассации. Обвиняется в том, что вел среди рабочих совхоза «Красный колос» антисоветскую агитацию, распространял клевету на партию и ее руководство.

Громославский виноватым себя не признает, но уличается 6-ю свидетельскими показаниями и 4-мя очными ставками, в которых приводятся конкретные факты его антисоветской деятельности.

Свидетель рабочий БУКАРЕВ показывает, что в его присутствии Громославский, по поводу приговора над участниками право-троцкистского блока говорил, что сейчас гибнет много ни в чем неповинных людей.

Свидетель СЕРЛЮКОВ приводит факт, когда Громославский выступал с открытой враждебной клеветой на т. Сталина. Свидетель КОНОВАЛОВ говорит, что Громославский восхвалял фашистов, которые, мол, все равно победят в Испании, так как по силе с фашистами никто не может сравняться.

Но Громославский все эти показания отрицает.

ВЫВОДЫ.

В результате расследования фактов, изложенных т. Шолоховым в его письме, установлено:

1. Заявление т. Шолохова об арестах большого количества невинных людей, в том числе лиц, арестованных по оговору в связи с делом Лугового, Логачева и Красюкова, не подтвердилось. Имели место лишь отдельные ошибки, которые мы исправили (дела Лимарева, Дударева, Тютькина).

2. Проведенный нами допрос целого ряда людей, указанных т. Шолоховым (Дударева, Гребенникова, Конкина, Мельникова, Точилкина и др.), а также проверка их следственных дел показали, что арест названных лиц не был связан с делом т. Лугового, Логачева и Красюкова. Арестованы они были по показаниям других лиц.

3. В результате допроса арестованных (Лимарева, Тютькина, Дударева, Кузнецова, Мельникова, Точилкина, Гребенникова и Громославского) не подтвердилось также заявление т. Шолохова, что будто бы к арестованным в органах НКВД Ростовской области применяются методы физического воздействия.

4. Не подтвердилось и заявление т. Шолохова о том, что со стороны районного отделения НКВД против него была организована травля. Нами установлено, что заявление на Сидорова состряпано врагом Молчановым-Благородовым с единственной целью — дискредитировать т. Шолохова. Тов. Шолохов в этом убедился сам при допросе Молчанова.

5. Но несомненным остается одно, что поводом для заявления т. Шолохова по вопросу о травле против него послужил тот факт, что во время ареста т. Лугового, Логачева и Красюкова (теперь реабилитированным) в Райотделении НКВД и среди отдельных работников района действительно велись разговоры такого характера, что т. Шолохов был очень близок к арестованным и как это он мог проглядеть их.

6. Что же касается вопроса о привлечении к ответственности работников Вешенского и Миллеровского отделений НКВД т. т. Сперанского, Тимченко и Кравченко, то мы считаем, что делать это нецелесообразно. У этих работников НКВД были отдельные ошибки в их работе, но в данное время они за свои ошибки наказаны т. Ежовым.

Тов. Сперанский переведен тов. Ежовым на работу в Колыму, а т. Тимченко переброшен в другой район и ему сделаны указания на допущенные ошибки. А тов. Кравченко, который работал незначительное время в Вешенском районе, мы считаем нецелесообразным его привлекать к ответственности.

7. Для перепроверки следственных дел на Худомясова, Петрова и Кривошлыкова, мы считаем необходимым вызвать их из лагеря.

Шкирятов
Цесарский

23/V-38 г.

Там же. Л. 64—83. Подлинник.

15. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

16 октября 1938 г.

Дорогой т. Сталин!

Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут.[44] Очень прошу.

М. Шолохов.

16.X.38 г.

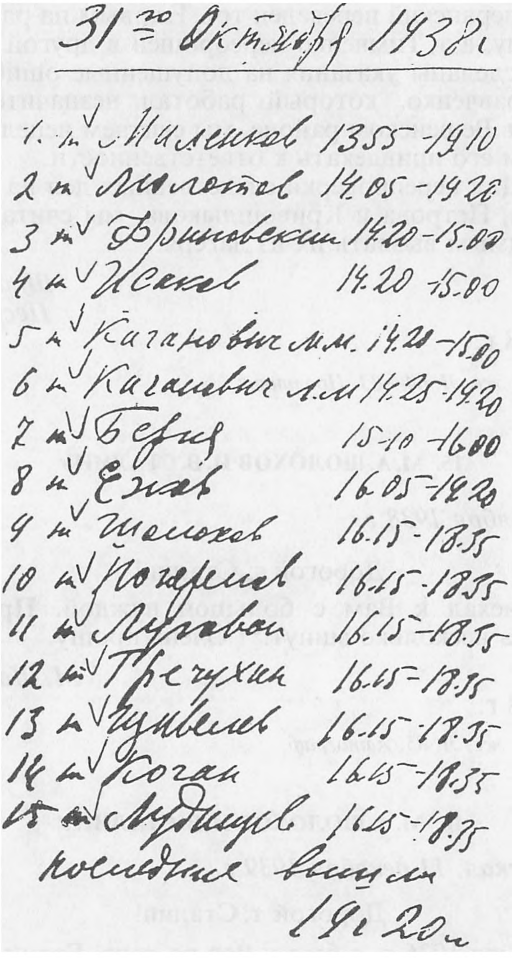
Там же. Л. 85. Автограф.

16. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

Вешенская, 11 декабря 1939 г.

Дорогой т. Сталин!

24 мая 1936 г. я был у Вас на даче. Если помните, — Вы дали мне тогда бутылку коньяку. Жена отобрала ее у меня и твердо заявила: — «Это —

31-го Октября 1938 г.

1. н √ Маленков 13.55–19.10
2 н √ Молотов 14.05–19.20
3 н √ Фриновский 14.20–15.00
4 н √ Исаков 14.20–15.00
5 н √ Каганович М.М. 14.20–15.00
6 н √ Каганович Л.М. 14.25–19.20
7 н √ Берия 15.10–16.00
8 н √ Ежов 16.05–19.20
9 н √ Шолохов 16.15–18.55
10 н √ Погорелов 16.15–18.55
11 н √ Луговой 16.15–18.55
12 н √ Гречухин 16.15–18.55
13 н √ Щивелев 16.15–18.55
14 н √ Коган 16.15–18.55
15 н √ Лудищев 16.15–18.55

последние вышли 19 ч 20 м

Страничка из журнала регистрации посетителей И. Сталина в Кремле за 31 октября 1938 г.

память, и пить нельзя!» Я потратил на уговоры уйму времени и красноречия. Я говорил, что бутылку могут случайно разбить, что содержимое ее со временем прокиснет, чего только не говорил! С отвратительным упрямством, присущим, вероятно, всем женщинам, — она твердила: «— Нет! Нет и нет!» В конце концов я ее, жену, все же уломал: договорились распить эту бутылку, когда кончу «Тихий Дон».

На протяжении этих трех лет, в трудные минуты жизни (а их как и у каждого человека, было немало), я не раз покушался на целостность Вашего подарка. Все мои попытки жена отбивала яростно и методично. На днях, после тринадцатилетней работы, я кончаю «Тихий Дон». А так как это совпадает с днем Вашего рождения, то я подожду до 21-го, и тогда, перед тем как выпить, — пожелаю Вам того, что желает старик из приложенной к письму статейки[45].

Посылаю ее Вам, потому что не знаю, — напечатает ли ее Правда.

Ваш *М.Шолохов.*

Вешенская
11.XII.39.

Там же. Л. 86. Машинописный текст письма Шолохова с пометкой Сталина: «Мой архив. И.Сталин». Л. 87—88. Автограф М.Шолохова.

17. М.А.ШОЛОХОВ И.В.СТАЛИНУ

29 января 1940 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Привез конец «Тихого Дона» и очень хотел бы поговорить с Вами о книге.

Если сочтете возможным — пожалуйста примите меня.[46]

С приветом *М. Шолохов.*

29.I.40.

Там же. Л. 91. Автограф.

18. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

19 августа 1940 г.

Дорогой тов. Сталин!

Прошу Вас принять меня[47] по вопросам колхозного хозяйства северных р[айо]нов Дона. В области эти вопросы разрешить нельзя, да и здесь без Вас их едва ли кто-либо решит так, как надо.

В Москве я пробуду 3—4 дня. Если Вы не сможете принять меня в эти дни, то очень прошу вызвать меня, когда Вы сочтете это возможным.

С приветом — *М. Шолохов.*

19.8.40.

Там же. Л. 93.Автограф.

19. Л. П. БЕРИЯ и В. Н. МЕРКУЛОВ И. В. СТАЛИНУ*

20 декабря 1940 г.

ЦК ВКП(б)
<u>товарищу СТАЛИНУ</u>

По существу письма тов. Шолохова[48] на Ваше имя докладываем:

---

* Написано на бланке: «Народный Комиссариат внутренних дел» 20 декабря 1940 г. № 5562/б г. Москва».

М. Шолохов в Москве. 1940 г.

1, В своем письме тов. Шолохов пишет:

«Белоконев рассказал мне следующее:

в прошлом году, находясь в заключении в Ухтпечорском лагере он неоднократно видел Слабченко, так как он работал вместе с ним в одном пункте; со слов Слабченко Белоконев узнал, что Слабченко был осужден к расстрелу, но потом расстрел ему заменили 20-ю годами заключения с последующим поражением в правах на 5 лет. Последний раз Белоконев видел Слабченко в июне месяце 1939 года, после чего Слабченко с партией заключенных был направлен на Север в Турткуль...

В августе с заключенным Лагутиным, вернувшимся из Турткуля в Ухтпечорский лагерь, Слабченко прислал Белоконеву привет...»

На соответствующий вопрос тов. Шолохова:

«...Белоконев, улыбаясь, ответил, что обознаться никак не мог, так как он и Слабченко, — уроженцы одной волости, знает он, Белоконев, Слабченко с детских лет, с 1920 г. они работали вместе, а в 1923 г. Белоконев, будучи секретарем партячейки, принимал СЛАБЧЕНКО в партию».

2. Сообщение тов. ШОЛОХОВА было тщательно расследовано.

По нашему предложению начальник УНКВД Ростовской области тов. АБАКУМОВ лично посетил в селе Ольховый Рог тов. БЕЛОКОНЕВА и опросил его об обстоятельствах встречи со СЛАБЧЕНКО.

Затем БЕЛОКОНЕВ был доставлен в Москву и несколько раз подробно допрашивался в НКВД СССР тов. МЕРКУЛОВЫМ и другими работниками.

БЕЛОКОНЕВ сказал:

«Из Котласа я был направлен на работу на строительство железной дороги, находящейся на территории Ухтпечорских лагерей.

Примерно 13 июня 1939 года, работая около

железнодорожного моста, я на другой стороне моста, приблизительно на расстоянии 50—60 метров, увидел, как мне показалось, знакомого человека, который был похож на СЛАБЧЕНКО. Я крикнул: «Иван Михайлович, здорово». Оттуда ответили: «Здорово». Я еще раз крикнул: «Сколько тебе дали?» И услышал ответ: «20 лет». На этом наши окрики были прерваны охраной».

«Как тогда, так и сейчас я не могу утверждать, что это был СЛАБЧЕНКО, так как человек, который по фигуре мне показался похожим на СЛАБЧЕНКО, находился на большом расстоянии, к тому же погода была пасмурная и моросил дождик.

По голосу я так же не мог определить, был ли это СЛАБЧЕНКО, так как много лет с ним не разговаривал».

«Как в разговоре с тов. ШОЛОХОВЫМ, СЛАБЧЕНКО так и в разговоре с женой я не утверждал, что видел именно СЛАБЧЕНКО Ивана Михайловича, а наоборот, рассказывая об этом случае, я оговорился, что возможно я ошибся, так как я мог принять за СЛАБЧЕНКО другого заключенного, имевшего некоторое сходство с ним по фигуре». (Из протокола допроса БЕЛОКОНЕВА от 20 ноября 1940 года).

Что касается того, что СЛАБЧЕНКО (как пишет в своем письме тов. ШОЛОХОВ) через заключенного ЛАГУТИНА в бытность его в Ухтпечорском лагере в 1939 г. прислал БЕЛОКОНЕВУ привет, то опрошенный БЕЛОКОНЕВ показал, что передача привета от СЛАБЧЕНКО имела место не в 1939 году, а в ноябре месяце 1937 года, когда он случайно оказался в одной камере с упомянутым ЛАГУТИНЫМ.

ЛАГУТИН был нами установлен в Сороклаг’е НКВД и, опрошенный, показал, что с БЕЛОКОНЕВЫМ он действительно сидел в одной камере в 1937 г.,

но что СЛАБЧЕНКО ему неизвестен и никакого привета от СЛАБЧЕНКО БЕЛОКОНЕВУ он не передавал.

Далее, БЕЛОКОНЕВ на допросах показал, что он и СЛАБЧЕНКО не являются уроженцами одной волости, что впервые он со СЛАБЧЕНКО познакомился в 1923 году, изредка с ним встречался, в партию его не принимал и секретарем партячейки никогда не был.

По анкетным данным СЛАБЧЕНКО уроженец города Тбилиси, а БЕЛОКОНЕВ уроженец Слободы Ольховый Рог, Ростовской области.

3. Факт расстрела СЛАБЧЕНКО в августе 1937 года был нами проверен по подлинным документам, находящимся в следственном деле СЛАБЧЕНКО, и в архивах НКВД СССР и УНКВД Ростовской области.

Установлено, что СЛАБЧЕНКО был арестован 9 марта 1937 года, содержался в тюрьме гор. Миллерово, в лагеря не вывозился и 16 августа решением тройки УНКВД по Азово-Черноморскому краю был приговорен к расстрелу. Приговор, согласно акта, составленного комендантом УНКВД Азово-Черноморского края, был приведен в исполнение 21 августа 1937 года.

По наведенным справкам СЛАБЧЕНКО Иван Михайлович в лагерях не значился и не значится.

Факт его расстрела надо считать установленным.

Тов. ШОЛОХОВ был приглашен в НКВД СССР, ознакомлен со всеми материалами проведенного нами расследования и убедился в том, что БЕЛОКОНЕВ ввел его в заблуждение.

4. Из просмотра следственного дела на СЛАБЧЕНКО Ивана Михайловича видно, что во вражеской

работе он уличался показаниями быв. директора Грачевской МТС КОРЕНКОВА-КОРЖИКОВА И. Г., быв. председателя Рабочкома Зерносовхоза «Красная Заря» МЕРКУЛОВА П. Д., быв. зам. председателя колхоза ДЕМИНА И. Т. и показаниями свидетелей кузнеца свиносовхоза «Красный колос» КОЛУБЕЛОВА В. Т., ПРИТУГИНОЙ П. А., комбайнера свиносовхоза «Красный колос» КУЗЬМИНА В. И., очными ставками с ШЕВЧЕНКО И. Г. и МЕРКУЛОВЫМ П. Д. Кроме того ряд компрометирующих СЛАБЧЕНКО материалов имеется в деле уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Азово-Черноморскому краю, на основании которых он был исключен из партии 17 мая 1936 года.

5. В своем письме тов. ШОЛОХОВ просил разыскать также арестованных КАПЛЕЕВА и ШЕВЧЕНКО, так как по имеющимся у него сведениям «расстреляны они в августе месяце 1937 г., а БЕЛОКОНЕВ утверждает, что КАПЛЕЕВА он видел в Миллеровской тюрьме поздней осенью 1937 года, а с ШЕВЧЕНКО сидел в одной камере той же Миллеровской тюрьмы до февраля 1937 года».

Опрошенный по этому вопросу БЕЛОКОНЕВ показал, что с КАПЛЕЕВЫМ он никогда ни в тюрьме, ни в лагерях не встречался, а с ШЕВЧЕНКО сидел менее суток в Каменской тюрьме, причем о нем кроме фамилии ничего не знает и до встречи в Каменской тюрьме он не был ему известен.

Произведенной нами проверкой установлено, что ШЕВЧЕНКО и КАПЛЕЕВ расстреляны 31 декабря 1937 года.

6. В связи с расследованием сообщения тов. ШОЛОХОВА, нами в ряде органов НКВД специально выделенными бригадами была проведена проверка постановки учета арестованных, осужденных, расстрелянных, проходящих по показаниям и т. д.

По материалам обследования нами приняты ме-

ры к устранению выявленных недочетов и налаживанию учетно-статистической работы во всех Управлениях, отделах и органах НКВД.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР *(Л. Берия)*
НАЧАЛЬНИК ГУГБ НКВД СССР
(В. Меркулов)

Там же. Л. 97—102. Подлинник.

20. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

2 сентября 1941 г.

Дорогой т. Сталин!

Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны.

Прошу принять[49] меня.

М. Шолохов.

2 сентября 1941 г.

Там же. Л. 104. Автограф.

21. И. В. СТАЛИН А. Н. ПОСКРЕБЫШЕВУ*

Не позднее 12 марта 1943 г.

Тов. ПОСКРЕБЫШЕВ!

Передайте т. Шолохову мои извинения и скажите, что не в состоянии выполнить его просьбу ввиду перегруженности работой.

И.Сталин.

Там же. Л. 106. Автограф.

---

* Пометка А. Поскребышева: «Сообщено т. Шолохову 12 марта 1943 г.».

На фронте.

22. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ*

29 июля 1947 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

За переиздание моих книг в Англии, Америке и Швеции зарубежными книжными издательствами мне переведены во Внешторгбанк некоторые суммы инвалюты.

Чтобы использовать эти деньги, я обратился зимой этого года к т. Жданову за разрешением поехать в Америку или в Англию. Тогда т. Жданов не посоветовал ехать в эти страны, и последующие события подтвердили правильность его совета.

Последний раз, с Вашего разрешения, я был за границей в 1935 г. (если не считать пребывания в Восточной Пруссии на фронте в марте 1945). Мои товарищи — писатели — Фадеев, Симонов, Эренбург, Горбатов, Сурков, Кожевников и другие — после войны побывали во многих странах. В прошлые годы мне было не до поездок, так как я много и трудно работал над романом «Они сражались за Родину». Сейчас, накануне завершения работы над книгой, мне хотелось бы, если это можно, поехать с женой в Швецию, на непродолжительный срок, используя для поездки причитающиеся мне за переводы деньги.

Прошу Вас разрешить мне эту поездку.

Я не видел Вас пять лет, но не посмел просить Вас принять меня по такому мелкому вопросу, а потому и обращаюсь с этим письмом.

Сейчас я нахожусь в Москве и ожидаю Вашего

* Пометы на письме: верхняя синяя карандашом, — «От т. Шолохова», по окончании письма в правом нижнем уголке — «Архив. 8.X.47».

Осипов В. Тайная жизнь Михаила Шолохова... М. 1995. С. 261.

После войны.

решения. Прошу уведомить меня о нем через т. Поскребышева, которому известен мой адрес.

Всегда Ваш *М. Шолохов*

29.07.1947 года.

23. М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ

3 января 1950 г.

Дорогой товарищ Сталин!

В 12-м томе Ваших Сочинений опубликовано Ваше письмо тов. Феликсу Кону[50]. В этом письме указано, что я допустил в романе «Тихий Дон» «ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др.»[51]

Товарищ Сталин! Вы знаете, что роман читается многими читателями и изучается в старших классах средних школ и студентами литературных факультетов университетов и педагогических институтов. Естественно, что после опубликования Вашего письма тов. Ф. Кону, у читателей, преподавателей литературы и учащихся возникают вопросы, в чем я ошибся и как надо правильно понимать события, описанные в романе, роль Подтелкова, Кривошлыкова и других. Ко мне обращаются за разъяснениями, но я молчу, ожидая Вашего слова.

Очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, разъяснить мне в чем существо допущенных мною ошибок.

Ваши указания я учел бы при переработке романа для последующих изданий[52].

С глубоким уважением к Вам

М. Шолохов

3 января 1950 г.

Там же. Л. 107. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 мая 1932 г. *«О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом»* колхозам и единоличным хозяйствам Северного Кавказа план хлебозаготовок был снижен со 154 млн. пудов в 1931 г. до 136 млн. пудов в 1932 году.

2. *Луговой П. К.* — секретарь Вешенского РК ВКП(б).

2-1. *РИК* — районный исполнительный комитет.

2-2. *Лимарев П. Т.* — зав. орготделом Вешенского РК ВКП(б).

3. *Шеболдаев Б. П.* (1895—1937) — в 1928—1930 гг. секретарь Нижне-Волжского, в 1931—1934 гг. — Северо-Кавказского, в 1934—1937 гг. — Азово-Черноморского крайкомов, с 1937 г. — Курского обкома ВКП(б).

4. *Овчинников Г. Ф.* (1893—1937) — член партии с 1918 г., в 1928—1930 гг. секретарь Вольского окружкома партии Нижне-Волжского края, в 1930—1931 гг. учился на курсах марксизма-ленинизма, в феврале 1932 г. был откомандирован в распоряжение Северо-Кавказского крайкома, где работал секретарем парткома завода «Сельмаш», а затем секретарем Ростовского горкома партии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июля 1933 г. снят с поста секретаря Ростовского горкома с объявлением строгого выговора. Партийное взыскание было снято постановлением Политбюро ЦК от 5 июля 1936 года.

5. *Пивоваров И. Н.* — до 27 ноября 1932 г. председатель Северо-Кавказского крайисполкома.

6. *Мелионопус* (правильно — мелянопус) — разновидность твердой пшеницы.

7. *Заврайзо* — заведующий районным земельным отделом.

8. *Овсюк* — овсюг. Как и осот, трудноискоренимый сорняк.

9. Имеется в виду постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. *«Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»*.

10. *Озадки* — остающееся при веянии легкое, сорное зерно.

11. *Шарапов В.И.* (1895—1937) — директор Ростовского завода «Красный Аксай», уполномоченный по хлебозаготовкам в Вешенском и Верхне-Донском районах края.

12. *Комсод* — комитет содействия хлебозаготовкам.

13. В выступлении на XVI Всесоюзной партийной конференции 27 апреля 1929 г. Шеболдаев, полемизируя с кандидатом в члены ЦК ВКП(б) В.В Ломинадзе, пытался обосновать необходимость чрезвычайных мер, проводившихся в период хлебозаготовительной кампании. *Крыленко Н.В.* (1885—1938) — член партии с 1904 г., в 1922—1931 гг. председатель Верховного трибунала при ВЦИК, в 1927—1934 гг. член ЦКК ВКП(б).

14. Сведений о проведении данного совещания не имеется. *Молотов (Скрябин) В.М.* (1890—1986) — в 1921—1930 гг. секретарь ЦК партии.

15. 4 ноября 1932 г. было принято совместное *постановление Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) «О проведении чистки сельских парторганизаций Северо-Кавказского края»*, где говорилось, что «чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику, разложившихся, неспособных проводить политику партии в деревне. Вычищенных выслать как политически опасных». Постановлением утверждалась комиссия по чистке во главе с Шкирятовым.

16. *Зимин Н.Н.* (1895—1945) — член партии с 1915 г., с декабря 1932 г. по июль 1933 г. второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1933—1934 гг. — зам. начальника Политуправления НКПС, в 1934—1935 гг. — в аппарате ЦК ВКП(б), в 1935—1937 гг. — зам. наркома, начальник Политуправления НКПС, в 1937—1938 гг. — первый секретарь Ярославского обкома партии.

17. *Плоткин А.А.* (р. 1906) — член партии с 1926 г., 25-тысячник, в период коллективизации был послан в Вешенский район, где работал до 1936 г. председателем колхоза им. С.М.Буденного Лебяженского сельсовета. В качестве руководителя агитколонны участвовал в хлебозаготовках на территории Вешенского района (см. МУРИН Ю. Так кто же вы, А.А. Плоткин? КОЛОДНЫЙ Л. Не все так однозначно! — Московская правда, 30.IX.1992).

18. *Пашинский А.А.* (р. 1906) — член ВКП(б) с 1930 г., в 1930—1933 гг. зам. директора совхоза «Красный колос» в Кашарах, с 1933 по 1934 г. директор этого совхоза. В 1934 г. директор свиносовхоза им. Яковлева Ейского района.

19. *Край К. К.* — краевая контрольная комиссия.

20. См. док. № 4.

21. Телеграмму М.Шолохова «Правда» опубликовала 23 марта 1933 г.: «Крайпосевком обязал Вешенский район перебросить в колхозы Миллеровского района 1000 тонн семян. Отгрузка началась 18 марта. Резкое потепление, наступившее в северных районах за последние дни, сделало дороги непроезжими, луга и балки залиты водой, лошади, волы калечатся.

Переброска требует более 2000 подвод, расстояние от пристанского пункта, где грузится ссуда, до ближайших колхозов Миллеровского района 50—60 километров. За две недели перевозки семян из Вешенского района колхозы Миллеровского района потеряли немало тягла.

При условии дальнейшей переброски зерна силами правобережных колхозов Вешенского района 2000 тягловых единиц будут к моменту сева окончательно выведены из строя в то время, когда район располагает всего 5000 тягловых единиц. Создавшееся положение вносит непосредственную угрозу севу правобережных колхозов Вешенского района.

От редакции: «Правда» в передовой статье от 11 марта «Сев. Кавказ накануне сева» указывала на отсутствие должного руководства переброской семян со стороны краевых организаций Сев. Кавказа. Телеграмма т. Шолохова показывает, что по-прежнему переброска семян не организована. «Правда» просит Северо-

Кавказский крайком сообщить по существу приводимых т. Шолоховым фактов».

22. *ПП ОГПУ* — полномочные представительства (полномочные представители) Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (1923—1934). В задачи ОГПУ входила борьба со шпионажем, контрреволюцией и бандитизмом.

23. *Просовы* — ямы на зимнем пути в распутицу, затянутые грязью и снегом.

24. См. док. № 5.

25. См. док. №№ 3, 5.

26. *Шкирятов М. Ф.* (1883—1954) — в партии с 1906 года. В 1933 г. работал в ЦКК ВКП(б) и коллегии Наркомата РКИ. В соответствии с решением Политбюро ЦК от 23 апреля 1933 г. 8 мая выехал на Северный Кавказ. Еще до его приезда многие из участников, ответственных за перегибы в хлебозаготовках, были наказаны в партийном и судебном порядке. 8 февраля 1933 г. Плоткин на бюро Вешенского райкома был исключен из партии, обезоружен и посажен под арест. Другой руководитель агитколонны, Пашинский, был приговорен к расстрелу 9 мая 1933 г. на показательном процессе выездной сессии крайсуда.

Шкирятов находился в Вешенском районе с 10 по 20 мая 1933 г. и 28 мая сообщил о результатах расследования Сталину следующее: «Проверку я начал с выезда в сельсоветы и колхозы для опроса потерпевших, с которыми до этого ни одна из комиссий не говорила. Вместе со мной выезжали т. Зимин, а также т. Шолохов, как хорошо знающий район, который помог мне в проведении этой работы. Мы побывали в 6 сельсоветах, где были перегибы, — Лебяженском, Меркуловском, Колундаевском, Варваринском, Гречевском, Боковском, а также в отдельных бригадах колхозов — Терновском, Поповском, Ольшанском, Боковском...

Для подтверждения показания потерпевших затем мною было опрошено 35 [товарищей]. В этом числе я опросил ряд участников перегибов — коммунистов (Пашинского, Ширикова, Чупруна, Чукарина, Плоткина, Мирошниченко, Баюкова, Ковтуна, Максаева)».

«Следует особо подчеркнуть, — продолжал Шкирятов, — что при выполнении плана хлебозаготовок *незаконные репрессии* применялись как к классово-враждебным элементам и к участникам хищений, злостно не выполняющим хлебозаготовки, но и без всякого разбора применялись и к преданным, активным и честным колхозникам».

В заключение записки Шкирятов указал: «Результаты расследования перегибов в Вешенском районе полностью подтвердили правильность письма тов. Шолохова об этом в ЦК ВКП(б). Проверка показала, что перегибы в период проведения хлебозаготовок (декабрь 32 г. — январь 33 г.) приняли массовый характер и заключались в подмене массово-разъяснительной работы, в особенности в работе агитколонн, методами грубого администрирования и командования, что привело к незаконным массовым выселениям из домов как единоличников, так и колхозников, особенно исключенных из колхозов, к проведению массовых арестов и изъятию всего имущества колхозников».

К записке был приложен проект постановления Политбюро ЦК, где, в частности, говорилось: «8. Бывш. руководителей агитколонн — тов. Пашинского (чл. ВКП(б) с 30 г., служащий) и т. Плоткина (чл. ВКП(б) с 1926 г., рабочий) за незаконное выселение из домов и изъятие имущества, за дачу неправильных указаний участникам агитколонн, что привело к издевательствам над отдельными колхозниками, и за непринятие мер борьбы с этими фактами, — исключить из рядов ВКП(б)» (АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 549, л. 3—9).

27. Доклад Шкирятова о командировке в Вешенскую был заслушан на совещании у Сталина 2 июля 1933 года. На совещание кроме Шолохова были приглашены и некоторые лица, о которых шла речь в его письмах. В журнале записей посетителей кабинета Сталина в Кремле, который вели его секретари, имеются две записи, относящиеся к данному событию (АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 410, л. 20 об—21 об).

Первая от 2 июля 1933 г. сообщает, что в 14 час. 50 мин. в кабинет Сталина были приглашены Зимин, Овчинников, Плоткин, Пашинский, Шолохов. В кабинете кроме Сталина в это

время находились Молотов и Каганович, а также член ЦКК ВКП(б) и коллегии Наркомата РКИ СССР Шкирятов, в 16.10 к ним присоединился Ворошилов. Совещание закончилось в 17.00.

Вторая запись от 4 июля 1933 г. гласит, что в 19.00 те же лица были вторично приглашены в кабинет Сталина, где они были, вероятно, ознакомлены с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О Вешенском районе» от 4 июля 1933 г.

В постановлении говорилось: «Заслушав сообщение т. Шкирятова о перегибах в Вешенском районе в связи с хлебозаготовками и опросив тт. Зимина (второй секретарь крайкома), Овчинникова (уполномоченный крайкома в Вешенском районе), Плоткина (районный работник), Пашинского (районный работник) и Шолохова (свидетель), ЦК ВКП(б) находит, что главная ответственность за перегибы, а именно за массовое изгнание колхозников из домов и запрещение другим колхозникам приютить на ночь изгнанных на улицу колхозников, — падает на крайком, который не принял своевременно мер для прекращения, не говоря уже о предупреждении, этих перегибов, и прежде всего — на второго секретаря крайкома т. Зимина, который, приехав в Вешенский район и ознакомившись с творившимися там безобразиями, не только не обуздал т. Овчинникова, инициатора перегибов и районных работников-исполнителей воли т. Овчинникова, а, наоборот, стал их накручивать и подстегивать в духе дальнейшего проведения перегибов.

ЦК считает, что совершенно правильная и абсолютно необходимая политика нажима на саботирующих хлебозаготовки колхозников была искривлена и скомпрометирована в Вешенском районе, благодаря отсутствию достаточного контроля со стороны крайкома.

ЦК ВКП(б) постановляет: 1. Указать крайкому на недостаточный контроль над действиями своих представителей и уполномоченных. 2. Снять т. Зимина с поста второго секретаря крайкома и направить его в распоряжение ЦК ВКП(б). 3. Объявить строгий выговор т. Овчинникову, снять его с поста секретаря Ростовского горкома и воспретить ему на год работу в деревне. 4. Объявить строгий выговор с предупреждением тт. Плоткину и Пашинскому и воспретить им работу в Вешенском

районе. 5. Все другие меры наказания, вынесенные партийными и советскими органами в отношении тт. Плоткина и Пашинского, считать аннулированными». (АПРФ, ф. 3. оп. 61. д. 549, л. 10).

После принятия этого постановления ЦК ВКП(б) определением Верховного суда РСФСР от 7 июля 1933 г. приговор в отношении Пашинского и других лиц был отменен.

28. В записях журнала дежурных секретарей за июнь 1937 г. нет упоминаний о приеме Сталиным Шолохова.

29. *Поскребышев А.Н.* (1891—1965), с августа 1935 г. заведующий канцелярией Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

30. *Ставский (Кирпичников) В.П.* (1900—1943), в 1936—1941 гг. генеральный секретарь Союза писателей.

31. На документе воспроизведена резолюция И.Сталина: «Тов. Ставский! Попробуйте вызвать в Москву т. Шолохова дня на два. Можете сослаться на меня. Я не прочь поговорить с ним». М.А.Шолохов был на приеме у И.Сталина 25 сентября 1937 г. с 16.30 до 18 часов. В кабинете Сталина в это время находились В.Молотов и Н.Ежов (ф. 45, оп. 1, д. 412, л. 36 об).

32. 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании состоялся в июле 1937 г. Решением Политбюро ЦК для участия в работе конгресса был утвержден следующий состав делегации: М.Кольцов (председатель), Эренбург, Толстой, Вишневский, Ставский, Шолохов, Фадеев, Микитенко, А. Барто.

33. *Ларин В.Ф.* в 1932—1934 гг. — председатель Северо-Кавказского крайисполкома, в 1934—1937 гг. председатель Азово-Черноморского крайисполкома.

34. *Иванов И.У.* — с апреля по июнь 1937 г. второй секретарь Азово-Черноморского крайкома партии, а с июня по сентябрь того же года председатель Азово-Черноморского крайисполкома.

35. *Евдокимов Е.Г.* (1891—1940) — в 1931—1933 гг. полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии, затем на Северном Кавказе, с 1934 г. первый секретарь Северо-Кавказского, с 1937 г. Азово-Черноморского крайкомов и с 1937 г. Ростовского

обкомов партии, с мая 1938 г. заместитель наркома водного транспорта СССР.

В воспоминаниях И. С. Погорелова засвидетельствовано, что Сталин на приеме вешенцев 31 октября 1938 г. сказал следующее: «Евдокимов ко мне приходил два раза и требовал санкции на арест Шолохова за то, что он разговаривает с бывшими белогвардейцами. Я Евдокимову сказал, что он ничего не понимает ни в политике, ни в жизни. Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?» И. Погорелов «Больше, чем друг» (отрывок из письма). «Судьба Шолохова», спецвыпуск «Литературной России», № 1, 23 мая 1990 г., с. 10.

36. *Ежов Н. И.* (1895—1940) — с февраля 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Одновременно с сентября 1936 г. нарком внутренних дел.

37. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1937 г. было утверждено решение Ростовского обкома ВКП(б) от 14 ноября 1937 г. о восстановлении на прежней работе в Вешенском районе Лугового, Логачева, Красюкова. Текст решения Ростовского обкома был передан в Москву следующей телеграммой от 15 ноября 1937 г.: «Москва, ЦК ВКП(б) тов. Сталину. Прошу утвердить следующее решение Ростовского обкома ВКП(б) от 14 ноября: «Органами следствия (НКВД) установлена полная непричастность тт. Лугового, Логачева и Красюкова к контрреволюционной деятельности врагов народа. Материалами следствия установлено, что тт. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками контрреволюционной правотроцкистской и эсеровско-белогвардейской организацией в своих подлых вражеских целях.

Тт. Лугового, Логачева и Красюкова КПК при ЦК ВКП(б) в партии восстановила.

Обком постановляет: 1) Вернуть т. Лугового на работу в Вешенский район в качестве первого секретаря райкома партии. 2) Вернуть т. Логачева на работу в Вешенский район в качестве председателя Рика. 3) Вернуть т. Красюкова на рабо-

ту в качестве уполномоченного Комзаг СНК по Вешенскому району.

В связи с данным решением обкома первого секретаря т. Капустина, председателя Рика т. Мартынова и Уполномоченного Комзаг СНК т. Винник освободить от их обязанностей и отозвать в распоряжение обкома ВКП(б).

Секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Евдокимов».
АПРФ, ф. 3. оп. 61, д. 549, л. 165. Заверенная копия.

38. 23 октября 1937 г. в Большом театре состоялась премьера оперы И. Дзержинского «Поднятая целина». «Правда» 25 октября отметила постановку оперы положительной рецензией Г. Хуба «Творческая победа Большого театра».

39. Первая встреча Шолохова со Сталиным в 1937 г. произошла 25 сентября (см. прим. № 31). Второй раз Шолохов встречался со Сталиным 4 ноября 1937 г. с 17 до 18 часов. До 17.30 Шолохов и Сталин беседовали наедине, затем к ним присоединились Молотов и Ежов (ф. 45, оп. 1, д. 412, л. 42 об.).

40. Сведения не обнаружены.

41. Шолохов был у Сталина 14 июня 1934 г. с 15.30 до 16.50, а 15 июня того же года принимается постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О помощи колхозам Северной области АЧК». В постановлении говорилось: «Поручить комиссии в составе тт. Жданова (созыв), Чернова, Гуревича, Микояна, Клейнера, Гринько, Акулова, Малинова, Лукина, Шолохова и Юркина разработать мероприятия по хояйственной помощи колхозам районов Северной области Азово-Черноморского края». 23 июня Политбюро утвердило проекты постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи колхозам Азово-Черноморского края», представленные комиссией Жданова (ф. 45, оп. 1, д. 410, л. 68 об., ф. 3, оп. 61, д. 549, л. 75—81).

42. Имеется в виду *Белобородов А. Г.* (1891—1938), партийный и государственный деятель, в середине 20-х годов примыкал к троцкистской оппозиции. Расстрелян 9 февраля 1938 г.

43. *Цесарский В. Е.* В марте—мае 1938 г. начальник IV отдела Главного управления НКВД СССР, в мае—сентябре 1938 г.

начальник УНКВД по Московской области, с 13 сентября 1938 г. начальник Ухта-Ижемского лагеря.

44. Сталин принял Шолохова 23 октября 1938 г. в 18.30 и беседовал с ним до 19.20. В 19.00 к Сталину был приглашен Ежов. Видимо, разговор шел о Погорелове И. С., которому органами НКВД было поручено нелегально собрать компрометирующие материалы на Шолохова с тем, чтобы добиться его ареста. И. С. Погорелов честно признался Луговому и Шолохову о провокационном задании НКВД. Выслушав Шолохова, Сталин, вероятно, поручил Ежову срочно разобраться с этим случаем и доложить. Заседание с участием Сталина состоялось 31 октября. На заседании также присутствовали: Молотов, Каганович, Маленков. В 16.15 на заседание были приглашены: Ежов, Шолохов, Погорелов, Луговой, представители Управления НКВД по Ростовской области и отделения НКВД по Вешенскому району Гречухин, Щавелев, Коган, Лудищев. В своих воспоминаниях секретарь Вешенского райкома П. Луговой так описывает это заседание: «Шолохов выступал два раза и несколько раз отвечал на реплики. Он сказал, что вокруг него органами НКВД, органами разведки ведется провокационная, враждебная по отношению к нему работа, что органы НКВД стряпают материалы в доказательство того, что он, якобы, враг народа и ведет вражескую работу. Что работники НКВД у арестованных ими людей под дулом пистолета добывают материалы, ложно свидетельствующие о том, что он, Шолохов, враг народа. Что такое положение дел в районе и области нетерпимо, таким путем на честных, преданных партии людей клевещут, их оговаривают, изображают врагами народа. Шолохов прямо и твердо сказал, что он просит Центральный Комитет партии оградить его от подобных актов произвола.

Сталин спросил у Когана, давали ли ему задание оклеветать Шолохова и давал ли он какие-либо поручения Погорелову. Коган ответил, что такие поручения он получал от Григорьева и что они, эти поручения, были согласованы с Ежовым. Ежов встал сейчас же и сказал, что он об этом ничего не знал и таких поручений не давал.

Тогда Сталин спросил у Лудищева, что ему известно об этом. Лудищев встал, опустил руки по швам и не сказал ни да,

ни нет, показав этим, что он «солдат партии»: что прикажут, то он и сделает».

АПРФ, Ф. 45, оп. 1, д. 412. лл. 77, 77об.

П. Луговой «С кровью и потом». Из записок секретаря райкома. «Судьба Шолохова» — специальный выпуск «Литературной России», № 1, от 23 мая 1990 г., с. 8.

45. Приложение отсутствует. 23 декабря 1939 г. «Правда» опубликовала статью М. Шолохова «О простом слове»:

«В 1933 году враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края — под видом борьбы с саботажем в колхозах — лишили колхозников хлеба. Весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, был изъят. Многие коммунисты, указывавшие руководителям края на неправильность и недопустимость проводимой ими политической линии, были исключены из партии и арестованы.

В колхозах начался голод. Группа партийных работников северных районов Дона обратилась с письмом к товарищу Сталину, в котором просила расследовать неправильные действия краевого руководства и оказать ряду районов продовольственную помощь.

Через несколько дней от товарища Сталина была получена телеграмма: «Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру».

В районах начали кропотливо считать, сколько понадобится хлеба, чтобы дотянуть до нового урожая. Снова было послано письмо с расчетами, выкладками и указанием необходимого количества продовольственной помощи для каждого района. В ответной телеграмме товарищ Сталин сообщил, какому району и сколько отпущено хлеба, и упрекнул за промедление: «Надо было сообщить не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени».

Тысячи честных колхозников были спасены от нужды. Люди, пытавшиеся уморить их голодом, впоследствии были расстреляны.

Обо всем этом, пожалуй, не было бы нужды вспоминать, если б не случай, происшедший в одном из колхозов. После того,

как распределили хлеб, отпущенный по распоряжению товарища Сталина, колхозники потребовали созыва общеколхозного собрания. Некоторые из них пришли на собрание сами, многих привезли на подводах, так как от голода и истощения они уже были не в состоянии ходить.

Выступления были короткими и собрание непродолжительным, но в конце его председатель колхоза — молодой, грамотный парень — предложил длинную резолюцию, в которой пространно и немножко выспренно, сухим, казенным языком говорилось о том, как собрание благодарит товарища Сталина за оказанную помощь и какие обязательства ввиду этого оно на себя берет. А дальше шло перечисление: в сжатые сроки провести весенний сев, увеличить яровой клин, расширить животноводческое хозяйство и пр. и пр. Словом, зачитанная председателем резолюция по форме ничем не отличалась от всякой другой резолюции. Председатель хотел, было, ставить ее на голосование, но к столу президиума, неуверенно и медленно шагая, подошел колхозный кузнец и попросил слова. Ему было 58 лет. Он видал всякую жизнь: и хорошую и плохую. У него была большая семья. В прошлом году он выработал больше шестисот трудодней. Двое младших детей его и жена вторую неделю не поднимались с постели. Он стоял и, заметно волнуясь, поглаживал большой, черной от железа рукой коротко остриженную, седеющую щетину волос на голове. Собрание терпеливо ждало, когда он начнет говорить.

— Ничего этого не надо, — наконец, негромко сказал он, положив руку на мелко исписанные листки резолюции. — Надо написать Сталину одно словечко — спасибо. Он все поймет...

В этот день впервые за три года существования колхоза была отклонена предложенная председателем резолюция и принята самая короткая из всех ранее принимавшихся: «Спасибо товарищу Сталину».

Бывает же так, что одно, идущее от сердца и сказанное вполголоса слово заменяет все другие слова, особенно когда их много...

Вся наша великая страна могуществом и расцветом своим обязана партии и Сталину. Народ любит своего вождя, своего

Сталина, простой и мужественной любовью и хочет слышать о нем слова такие же простые и мужественные. Но, мне кажется, некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами.

21 декабря в каждой семье день начнется по-разному. Но я совершенно точно знаю, как он начнется у колхозного кузнеца. Еще до рассвета, при огне старик досиня выскоблит бритвой щеки, наденет новую рубашку, праздничный сюртук и суконные брюки с выцветшими от старости нитками на швах. К завтраку из соседнего хутора приедет с женой его старший сын, работающий в МТС бригадиром тракторной бригады. Всей семьей сядут за стол. Хозяин в торжественной и строгой тишине нальет всем взрослым по рюмке водки, скажет:

— Нынче Сталину стукнуло шестьдесят годков. Хороший он человек. Дай бог ему побольше здоровья и еще прожить на белом свете столько, сколько прожил!

Потом в молчании они подумают о том, как нелегко, должно быть, живется Сталину, как много больших и трудных забот о народе лежит на его плечах.

И только после этого за столом начнется разговор о политике, о хлебе, что причитается на трудодни, о всходах озимой пшеницы и о видах на будущий урожай.

М. Шолохов.

Станица Вешенская, 20 декабря».

46. В записях журнала дежурных секретарей за первое полугодие 1940 г. нет упоминаний о приеме Сталиным Шолохова.

47. И. В. Сталин принял М. А. Шолохова 23 августа в 22.40. Беседа закончилась в 24.00. В 22.40 к Сталину был приглашен В. М. Молотов и в 23.00 — Л. П. Берия (ф. 45, оп. 1, д. 413, л. 2об.).

23 августа Сталин разговаривал по телефону с секретарем Ростовского обкома партии Двинским. Речь шла о тяжелом положении с заготовками хлеба северодонских районов области,

где отмечалась значительная гибель посевов от суховея и сельскохозяйственных вредителей. В Вешенском районе, например, погибло 8,4 тыс. га (из 31 тыс. га). Руководство Вешенского района при поддержке Шолохова добивалось списания задолженности с колхозов. Не встретив понимания у областного руководства, Шолохов обратился к Сталину.

19 ноября 1940 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), а также постановлением СНК СССР от того же числа с колхозов Вешенского района была списана задолженность прошлых лет в размере 3350 тонн, произведена скидка с плана обязательных поставок 1940 г. в размере 320 тонн и отсрочена натуроплата на будущий год в размере 400 тонн (ф. 3, оп. 61, д. 549, л. 180).

48. Письмо Шолохова в архиве отсутствует. В деле имеется записка зав. Особым сектором Общего отдела ЦК ВКП(б) Т. К. Силиной, где сказано, что письмо Шолохова от 26.X.40 г. передано т. Поскребышеву 11/XI.40 г.

49. В записях дежурных секретарей за сентябрь—октябрь 1941 г. нет упоминаний о приеме Сталиным Шолохова.

О двух встречах Шолохова со Сталиным в 1942 г. со слов писателя сообщается в книге В. Осипова «Тайная жизнь Михаила Шолохова...»: ...Сталин напомнил о себе. Нашел Шолохова. Случилось это весною 1942 года — в мае, в канун дня рождения писателя. Пригласил вместе поужинать. С чего бы это? Отпраздновать день рождения? Он сказал тост, но едва ли это цель встречи. Узнал, что Шолохов получил контузию, и вот проявляет заботу? Он действительно предложил лечиться в Грузии. Но для этого не нужно было терять столь драгоценное в войну время, чтобы встречаться. Шолохов понял, зачем приглашен, только к концу застолья. Наставления вождя прозвучали так:

— Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достойно, как в «Тихом Доне»... Храбрые люди изображены — и Мелехов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день Ваших именин мне хотелось пожелать Вам крепкого здоровья на многие годы и много талантливого,

всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в «Тихом Доне», были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники страшной войны...»

...Новая встреча со Сталиным. И вновь допрос, но уж куда как круче. Писатель так поведал мне о нем:

— Вызвали меня в Москву. Сказали: «Прими участие во встрече группы советских писателей с иностранцами. Очень важно рассказать им о том, как у нас...» Ладно, отвечаю, прибуду. Прибыл в Москву. В гостинице привел себя в порядок, переоделся и в ВОКС. Поднимаюсь по мраморной лестнице — уж отвык, взошел в зальчик, смотрю — за столиком один мой недруг-писатель... Сидит в коверкотовом костюме. А на столике бутылки с крюшоном и фрукты... Он обо мне слух пустил, будто я оставил семью под немцем и сам к ним собираюсь. Так мне рассказали. Ну что — я ему все и выложил: «Эх, говорю, ты и...» По-русски! Напрямую. И ушел — не остался. Вернулся в гостиницу, позвал кое-кого из знакомых писателей — выпили. С обиды... Утром стал собираться в редакцию, да телефон зазвонил: Поскребышев. Говорит ледяным тоном: «Вас Сам ждет. Чтой-то вы там вчера натворили?!» Иду... Прихожу: Поскребышев сидит в приемной — головы не поднимает, глаз не кажет, суров до последнего упора. Ну, думаю... Час пробил — он мне дверь открыл. Вхожу. Вижу Сталин у стола. Стоит. Руки не подает. Глаза безразличные. Молчит. Смотрел, смотрел на меня, потом произносит: «Где ваша семья, товарищ Шолохов?» Только я стал отвечать — входит генерал и подает ему какой-то листик. Сталин прочитал, листик вернул, генерала отослал — посмотрел на меня и произнес: «Впрочем, теперь мы знаем, где ваша семья. Вы правильно сделали, что эвакуировали ее. Мы попросим товарищей из Казахстана присмотреть за вашей семьей...» Снова спросил — на этот раз мягко: «В чьем распоряжении вы находитесь?» Ответил. Он тогда: «Ну, товарищ Шолохов, идите. И берегите себя. Вы нужны партии. Вы нужны народу!»

Осипов В. «Тайная жизнь Михаила Шолохова...» М. 1995. С. 234—236.

50. *Кон Ф. Я.* (1864—1941) — один из старейших деятелей польского, российского и международного революционного движения, в 1929 г. редактор «Рабочей газеты». В 12-м томе Собрания сочинений Сталина было опубликовано его письмо Ф. Кону от 9 июля 1929 г. В этом письме Сталин дал отзыв на заметку Руссовой о брошюре Микулиной («Соревнование масс»), одновременно подчеркнув: «Разве ценность брошюры определяется отдельными частностями, а не ее общим направлением?

Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда негодная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» (Сталин И. Соч. Т. 12. М. 1949. С. 112).

51. *Сырцов С. И.* (1893—1937) — в 1917—1918 гг. член Донского окружного комитета РСДРП(б), зам. председателя Донбюро СНК Донской советской республики, член Донбюро РКП(б).

Подтелков Ф. Г. (1886—1918) — один из руководителей революционного казачества на Дону, в январе 1918 г. избран председателем Донского казачьего ВРК, с апреля 1918 г. председатель СНК Донской советской республики.

Кривошлыков М. В. (1894—1918) — один из руководителей революционного казачества на Дону, с января 1918 г. секретарь Донского казачьего ВРК, с апреля 1918 г. член ЦИК и народный комиссар по делам управления Донской советской республики. В мае 1918 г. Ф. Подтелков и М. Кривошлыков были захвачены в плен белоказаками и казнены.

52. Ответа Сталина на письмо Шолохова не последовало. Шолохова принуждают дать согласие внести редакторскую правку, однако уже в 1951 году пишет в издательство: «...Я совершил ошибку в выборе редактора, в чем и раскаялся, когда большинство его скопцовских изъятий мне пришлось восстанавливать» (см.: Гура В. Как создавался «Тихий Дон». М. 1989. С. 419—424).

ХРОНИКА
ВСТРЕЧ ШОЛОХОВА СО СТАЛИНЫМ

(По журналу* регистрации посетителей Сталина в Кремле)

1931—1940 гг.

1. **1931 г., 28 декабря**

Мехлис	—20.15—20.30
Шолохов	—20.30—20.45
Ворошилов	—20.35—23.55
Орджоникидзе	—20.40—23.55

2. **1932 г., 28 октября**

Шолохов	—17.40—18.30
Молотов	—17.05—19.55
Ворошилов	—17.05—19.55

3. **1933 г., 2 июля**

Молотов	—12.45—17.40
Каганович	—13.00—17.40
Шкирятов	—13.45—17.40
Зимин	—14.50—17.00
Шолохов	—14.50—17.00
Овчинников	—14.50—17.00
Плоткин	—14.40—17.00
Пашинский	—14.50—17.00
Ворошилов	—16.10—17.40

4. **1933 г., 4 июля**

Каганович	—16.25—18.05
Молотов	—16.30—20.20
Шкирятов	—17.30—20.00
Зимин	—19.00—19.55
Овчинников	—19.00—19.55
Пашинский	—19.00—19.55
Плоткин	—19.00—19.55
Шолохов	—19.00—19.55

5. **1934 г., 14 июня**

Каганович	—15.10—18.05
Жданов	—15.10—18.05
Юркин	—15.30—16.50
Гуревич	—15.30—16.50
Малинов	—15.30—16.50
Куйбышев	—15.15—18.05
Чернов	—15.30—16.50
Лукин	—15.30—16.50
Шолохов	—15.30—16.50
Мехлис	—15.50—17.25

6. 1935 г., 15 мая

Шолохов —18.10—18.25

7. 1936 г., 24 мая

Шолохов (на даче у Сталина, см. док. № 16)

8. 1937 г., 25 сентября

Молотов	—16.00—20.10
Ежов	—16.10—20.10
Шолохов	—16.30—18.00

9. 1937 г., 4 ноября

Шолохов	—17.00—18.00
Молотов	—17.30—19.00
Ежов	—17.30—19.00

10. 1938 г., 23 октября

Шолохов	—18.30—19.20
Ежов	—19.00—20.30

11. 1938 г., 31 октября

Маленков	—13.55—19.10
Молотов	—14.05—19.20
Каганович	—14.25—19.20
Ежов	—16.05—18.35
Шолохов	—16.15—18.35
Погорелов	—16.15—18.35
Луговой	—16.15—18.35
Гречухин	—16.15—18.35
Щавелев	—16.15—18.35
Коган	—16.15—18.35
Лудищев	—16.15—18.35

12. 1940 г., 23 августа

Шолохов	—22.40—24.00
Молотов	—22.45— 2.15
Берия	—23.00—00.10
Микоян	—00.15— 2.15
Берия	— 1.30— 2.15

АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 409, лл. 57об., 93.
д. 410, лл. 20 об., 21 об., 68 об.
д. 411, лл. 28 об.
д. 412, лл. 36 об. 42 об., 78 об.
д. 413. л. 2 об.*

* В журнале записей посетителей кабинета Сталина в Кремле, как правило, фамилии посетителей фиксировались без инициалов и указания должностей, указывалось лишь время входа посетителей в кабинет и время выхода. В данном перечне сохранены фамилии тех лиц, которые находились в кабинете Сталина одновременно с Шолоховым.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕПИСКА

П 34 **Писатель и вождь.** Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931—1950 годы. Сборник документов из личного архива И. В. Сталина. Составитель Юрий Мурин.

— М.: Раритет, 1997. — 159 с.

ISBN 5-85735-062-X

Впервые собранная переписка обнаружена в личном архиве Сталина, открывает неожиданные стороны взаимоотношений писателя и правителя.

П $\frac{4702010204}{952(02)\text{-}97}$ Без объявл. **ББК 84Р6**

Редактор *Осипов В. О.*

Технический редактор *Платонова Л. А.*

Корректор *Тихонова З. А.*

ЛР № 030117 от 23.09.91

Сдано в набор 02.07.96. Подписано в печать 17.10.96.

Формат 70 × 100 1/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 6,5.

Тираж 8000 экз. Заказ 2988.

Издательство «Раритет».

103051, Москва, ул. Петровка, 26.

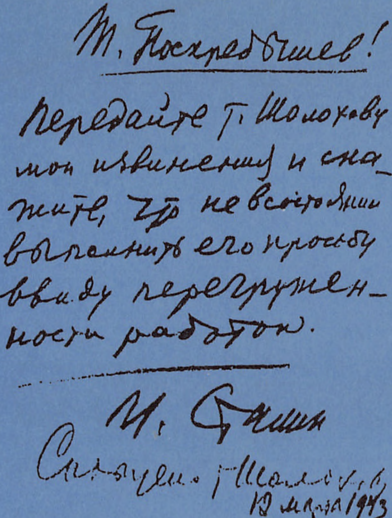
ОАО «Типография «Новости»

107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Впервые

ПИСАТЕЛЬ И ВОЖДЬ

ПЕРЕПИСКА М.А.ШОЛОХОВА С И.В.СТАЛИНЫМ

Т. Поскребышев!

Передайте т. Шолохову мои извинения и скажите, что не в состоянии выполнить его просьбу ввиду перегруженности работой.

И. Сталин

Сообщено т. Шолохову 19 марта 1943

"Раритет" продолжает рубрику "Впервые"

ВПЕРВЫЕ собранная переписка М.Шолохова и И.Сталина

В одном из писем Шолохова слова следователя:
"Почему не говоришь о Шолохове?
Он же,б...,сидит у нас! И сидит крепко!
Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?!" Бил..."

КНИГА - и для ученых
и для учителей
и для массового читателя

Впервые